ПИОНЕР

ИЮЛЬ

Издательство «Правда». 1950 г.

П И О Н Е Р

Ежемесячный детский журнал Центрального комитета ВЛКСМ

№ 7 Июль 1950 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Шёл отряд.—*Поэма Юрия Яковлева Рисунки Ф. Лемкуля* . . . . 1 стр.

Мир победит войну! . . . . . 6 „

Необитаемый остров. — *Рассказ Н. Александровой. Рисунки Б. Винокурова* . . . . . 7 „

С добрым утром! — *Стихи Е. Трутневой* . . . . . 16 „

Наша почта. Артек, Артек! — *Фотографии Н. Максимова* . . . 17 „

Пёстрая игла.—*Рассказ Вл. Архангельского. Рисунки Г. Никольского* . . . . . 22 „

Дом на горе. (*Окончание.*) — *Повесть А. Мусатова. Рисунки П. Баранова* . . . . . 24 „

Мы боремся за мир! . . . . . 30 „

Как ребята запрягли ручей. — *С. Юрьев* . . . . . 32 „

Пионерская дружба . . . . . 36 „

Мальчик Радин и Стана Самовила.—*Болгарская народная песня. Перевела Надежда Белинович. Рисунки Ю. Кискачи* . . . . 38 „

Торба с обманом. — *Болгарская народная сказка. Пересказали М. Туберовский и А. Розанов. Рисунки Ю. Кискачи* . . . . . 40 „

Человек, возвращающий зрение.—*А. Дорохов* . . . . . 43 „

На опушке.—*Рассказ Я. Тайца. Рисунки В. Цельмера* . . . . . 47 „

Охота без ружья. — *Г. Скребицкий. Рисунки В. Трофимова* . . . 49 „

Наблюдайте природу, друзья! — *Ф. В. Чебышева, преподаватель биологии 208-й школы города Москвы* . . . . . 52 „

Живая пыль. — *В. А. Родина, кандидат сельскохозяйственных наук* . . . . . 55 „

Игры в звене . . . . . 56 „

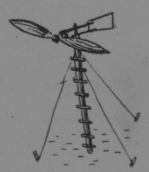
Почему и отчего . . . . . 58 „

Советы старшего вожатого . . . . . 59 „

В мире книг . . . . . 62 „

Наш календарь . . . . . 64 „

Лагерный карнавал.—*Рисунок В. Константинова* . . . . . IV пол. обл.



На обложке: картина А. Бубнова „Авиамоделисты".

П29
34

ШЕЛ ОТРЯД

Юрий Яковлев **Рисунки Ф. Лемкуля**

ПОЭМА

Пыль клубится на дороге,
В ногу,
К ряду ряд
Шёл вихрастый,
Босоногий,
Удалой отряд.

Впереди ребят
Вожатый,
Старший сын бойца,
Шёл в будённовке помятой,
В сапогах отца.

Сапоги великоваты
И гремят,
Как гром,
Но нельзя, чтобы вожатый
Топал босиком.

В путь отряд собрался рано,
Зашагал чуть свет.
Ни трубы,
Ни барабана
У отряда нет.

Только плещется и вьётся
Низко
У плеча
Лёгкий,
Выцветший от солнца
Флаг из кумача.

Чтоб нога легко ступала
По камням дорог,
Пел отрядный запевала,
Рыжий паренёк.

Голос звонкий раздавался
Всё смелей, бойчей,
Разрастался,
Разливался
Голос,
Как ручей.

Брат парнишки был с Будённым
В боевом строю,
Конникам краснознамённым
Песню пел свою.
Пуля песню оборвала,
Голос брата стих...

Пой, отрядный запевала,
Сразу за двоих!

Откликались ему рядом
Десять голосов.
Солнышко сожгло ребятам
Кончики носов.

За день солнце обходило
С трёх сторон ребят.

Гос. Публичная библиотека Ленинграда
1

Шёл отряд...

И это было
Много лет назад.

* * *

Мимо рощицы зелёной
Шёл отряд
И пел,
Загорелый,
Запылённый,
Долгим маршем утомлённый,
Шёл
И не робел.

Но слабее пыль клубилась,
Видно, неспроста.
И длиннее становилась
Новая верста...

Две дороги пробивались
Через целину.
Две дороги повстречались
И слились в одну.

Шёл по той —
Другой — дороге
К ближнему мосту
Путник

В сапогах высоких,
С трубочкой во рту,
В белом кителе,
Чтоб солнце
Сильно не пекло.

Дыма тающие кольца
По ветру несло.

С ним команда поровнялась,
Смотрит на него.
И знакомым показалось
Всем лицо его.

Чернобровый,
Черноусый
Встал он над рекой.
Помахал команде русой
Весело рукой:

— Что за гвардия на марше?
Рота?
Эскадрон?
Кто в отряде самый старший? —
Спрашивает он.

Шлем поправив свой помятый,
Бросив смелый взгляд,
Сделал шаг вперёд вожатый:
— Я веду отряд!..

Знамя вьётся на пригорке.
Весь отряд притих.

— А куда идёте?
— В Горки;
Слышали о них?!

Путник поднял бровь
И вынул
Трубку изо рта.

Взглядом всех ребят окинул:
— Знаю те места!
А зачем, когда не тайна,
Не жалели ног?
По делам или случайно
Путь ваш в Горки лёг?

Смотрят парни с удивленьем
Из-под козырьков:
— Там живёт товарищ Ленин,
Вождь большевиков!

Глядя в лица их простые,
Как своим родным,
Путник
Сквозь усы густые
Улыбнулся им.

Потрепал рукой широкой
Парня по плечу:
— Я, ребята, тоже в Горки.
Тоже к Ильичу!..

Выбил трубку,
Пепел лёгкий
С кителя стряхнул,
Прошагавшим путь далёкий
На траву кивнул:

— Вот и место для привала.
Прямо под дубком!..

Шепчет другу запевала:
— Как он мне знаком!

Два дружка в сторонку стали,
В редкие кусты.

— Это же товарищ Сталин,
Понимаешь ты!

Друг курносый горячится,
Спорит с пареньком:
— Сталин на коне помчится —
Не пойдёт пешком...

Все расселись у дороги,
После долгих вёрст.
Только знаменосец строгий
Не покинет пост.

В травку мягкую не ляжет,
Раз под знамя встал.
Он и виду не покажет,
Что в пути устал.

Даль оглядывает зорко,
Караул несёт...

Видит он:
Сюда
К пригорку
Человек идёт.

Невысокий ростом,
Крепкий,
Подошёл к реке.
В светлой куртке
В мягкой кепке,
С колоском в руке.

Шёл он частыми шагами
И легко дышал...
Знаменосец
Крепко знамя
Вдруг к груди прижал.

И узнал он
По походке
И по свету глаз,
И узнал он
По бородке
Ленина тотчас.

Глядя на вождя родного,
Не дыша, застыл,
Хочет вымолвить он слово
Да слова забыл.
Прошептал парнишка:
— Ленин!..

Всё в груди зажглось,
И тотчас его волненье
Всем передалось.

Путник сразу обернулся,
Руку протянул,
С Ильичём переглянулся,
На ребят кивнул.
Ленин путника,
Как брата,
Обнял своего.
И подумали ребята:

«Это друг его!
По родной земле в народе
Слух о нём идёт:
Вместе с Лениным
К свободе
Он привёл народ».

* * *

Дружно встал отряд под знамя,
Замер, не дыша.
Тихо знамя над рядами
Реяло шурша.

Впереди ребят
Вожатый,
Старший сын бойца,
Встал в будённовке помятой,
В сапогах отца.

С Ильича ни на мгновенье
Он не сводит глаз:
— Мы пришли,
товарищ Ленин,
Получить приказ.

...Вдоль границы скачут кони
В тишине ночей.
Но уходит от погони
Банда басмачей.

Тяжело заставам биться,
Смену ждут стрелки...
— Нас пошлите на границу,
Дайте нам клинки!

Улыбнулся тихо Ленин
Уголками глаз:
— На границе в подкрепленьи
Нет нужды сейчас!

Говорит Ильич с отрядом,
Молодо глядит,
А товарищ Сталин
Рядом
С Лениным стоит.

Трубочка во рту дымится,
Стелется дымок.
— Ваша помощь пригодится,
Да не вышел срок!..
Ленин Сталину кивает,—
Мол, согласен с ним.

Ветер знамя развевает
Парусом тугим.

Знаменосец поднял с силой
Знамя на плечо.
У вожатого забилось
Сердце горячо.

...Взорван мост,
А нужен новый —
Дорог каждый час...

— Мы и плотничать готовы,
Дайте нам приказ!

Мост построим,
И плотину —
Хватит наших сил...

Руку из кармана вынул,
Голову склонил,
Чуть глаза прищурил Ленин,
Спрашивает он:

— А в таблице умноженья
Кто из вас силён?..

Пареньки умолкли.
Руки
Кепки теребят.
Видно, не силён в науке
Удалой отряд.

Медлят,
Медлят все с ответом,
Не поднимут глаз —
Ленин жизнь их
Новым светом
Осветил сейчас:

Чтобы сильный ток стремился
К лампочкам,
К станкам,
И арык в песках струился
К дальним кишлакам,

Чтоб машина убирала
Урожай страны,
Одного желанья мало —
Знания нужны!..

Мысли ленинской значенье
Как тут не понять:
— Коммунистом
без ученья
Невозможно стать!..

И в строю застывших рядом
Русых пареньков
Вдруг окинул долгим взглядом
Вождь большевиков.

Взглядом светлым и лучистым
Вождь хотел спросить:
«Кто, ребята, коммунистом
В жизни сможет быть?»

В тишине Ильич услышал,
Как стучат сердца.
И тогда из строя вышел
Первым
Сын бойца.

Запевала встал с ним рядом,
Сделав твёрдый шаг,
Знаменосец над отрядом
Поднял выше флаг.

И увереннее стали
Лица у ребят.

С гордостью товарищ Сталин
Смотрит на отряд.

Видно, он случайной встрече
Рад сердечно был,
Он вожатому на плечи
Руки положил.

У парнишки от волненья
Всё лицо горит.
— Я уверен в юной смене,—
Сталин говорит.

И глазами молодыми
Он обвёл друзей:
— Коммунизм построим с ними
На земле своей!

Смотрит ласково и строго
Ленин,
Как отец.

Вдаль,
Вперёд бежит дорога
Из конца в конец.

Знамя на ветру стучится,
И за рядом ряд
Слово Ленина
«Учиться!»
Повторил отряд.

И парнишек тёплым взглядом
Ленин провожал,
И товарищ Сталин рядом
С Лениным стоял,
Словно будущее наше
Видел вдалеке.

И шагал отряд вдоль пашен
С песней,
Налегке.

☆ ☆ ☆

Пыль клубилась на дороге,—
В ногу,
К ряду ряд
Шёл вихрастый,
Босоногий,
Удалой отряд.

Над отрядом вилось знамя,
Ветер дул с реки...
Коммунистами
С годами
Стали пареньки.

И уже пришли другие
Ленинцы в отряд:
Молодые,
Боевые —
Нет смелей ребят!

Раздаётся песня рано,
Чтобы шаг не стих.
Трубы есть и барабаны
Громкие у них.

Знамя на ветру стучится,
Как в далёкий год.
Ленинский наказ —
«Учиться!» —
Их ведёт вперёд.

Озарились солнцем дали,
Вся в цвету земля.
Им навстречу
вышел Сталин
Из ворот Кремля.

Он поднялся на трибуну
Над Москвой-рекой,
Помахал команде юной
Весело рукой.

Что-то радостно сверкнуло
В сталинских глазах,
И улыбка промелькнула
В чуть седых усах.

И подумал,
Глядя в лица
И глаза ребят:
«Можно смело положиться
На такой отряд!

Светлых дел ещё немало
Сделают они...»

Пой, отрядный запевала,
Знаменосец,
Как бывало,
Знамя разверни!

В ногу стройные колонны
По стране идут.
Пионерские знамёна
Ленинцев ведут.

Шахтёры комбината «Тулауголь» подписываются под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ!

Мир!.. Это короткое слово нынче в сердцах и на устах у десятков миллионов простых и честных людей. Мир нужен советскому народу, который строит величественное здание коммунизма: преграждает плотинами реки, выращивает тысячекилометровые лесные полосы, вздымает к небу стальные переплёты высотных зданий, проникает в тайну строения клетки. Мир нужен странам народной демократии, твёрдо идущим по пути к социализму. Мир нужен великому китайскому народу: ведь впервые за много веков получил он возможность налаживать жизнь без «своих» и иноземных угнетателей. Мир нужен труженикам и в тех странах, где ещё властвует капитал, где банкиры и фабриканты диктуют свою волю министрам.

Кому же нужна война? Вот этим банкирам, этим капиталистам и прежде всего самым богатым, самым хищным из них — американским сверхмиллиардерам. Тем, чьи чёрные конторы, словно логовища пиратов, притаились на проклинаемой нынче всем человечеством улице Нью-Йорка — Уолл-стрите.

Им нужна война для того, чтобы, продавая пушки, танки, бомбы и самолёты, ещё больше умножить свои богатства. Им нужна война для того, чтобы заткнуть рот «своим» рабочим и крестьянам, которые не хотят больше жить в вечном страхе за завтрашний день, не хотят отдавать капиталистам свой труд в дни мира, свою кровь в дни войны. Им нужна война для того, чтобы завладеть новыми странами, чтобы ещё туже затянуть петлю на шее угнетаемых народов колоний.

Пытаясь запугать миролюбивые народы, подавить в них волю к сопротивлению, американо-английские поджигатели войны размахивают атомной бомбой. Они уже двинули свои кровавые шайки в Корею. Но мир нынче не тот, что был раньше. Опыт второй мировой войны многому научил народы. Впервые в истории образовался мощный всемирный фронт поборников мира. И возглавляет этот фронт великий и несокрушимый Советский Союз.

Защитники мира во всём мире решили коллективно подписать воззвание, требующее запрещения атомного оружия и признания военным преступником того правительства, которое первым это оружие применит. Под этим воззванием ставят свои подписи и ваши отцы, матери, старшие братья и сёстры.

Как один человек, весь советский народ говорит:

— С нами Сталин, знаменосец мира, — и мы завоюем мир, мы завоюем счастье для грядущих поколений!

О тебе, юный гражданин Советской страны, о твоём будущем, о твоём счастье думают советские люди, подписывая это благородное воззвание, о тебе заботится великий Сталин, разбивая козни врагов мира.

Учись, закаляйся, набирайся сил для славных дел. У тебя сотни миллионов защитников. Победа будет за нами!

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Рассказ Нины Александровой **Рисунки Б. Винокурова**

— Ну, едем!

Вася отвязал лодку, столкнул её с мокрого песка и вскочил на нос. Лодка кормой вперёд вышла из маленькой бухты, развернулась и быстро пошла по течению. Следом за ней устремилась лёгкая белая байдарка.

Было раннее свежее утро. Солнце ещё не вставало, над рекой плыли клочья ночного тумана. Лагерь спал. На дощатых мостках, провожая нас, стояли начальник лагеря Константин Васильевич и дежурный вожатый Коля Соколов.

— Счастливо-о! — донёсся до нас колин голос.

Лагерь быстро удалялся. Вот уже исчезли за песчаной косой деревянные мостки, слились в одно зелёное пятно берёзы на горе, растаяла в светлом небе высокая тонкая мачта.

Несколько минут все ребята молчали. Гребцы налегали на вёсла.

Вася, глядя вперёд, командовал рулевому:

— Лево руля! Ещё лево! Право!

Речка была мелкая, извилистая, то и дело просвечивали песчаные отмели. Байдарка легко проходила над ними, а наша тяжёлая плоскодонка могла сесть на мель; приходилось лавировать.

Мы плыли на необитаемый остров. Есть ещё такие острова на свете, и один из них, может быть, самый маленький, находился неподалёку от лагеря, на большом пустынном озере.

С той минуты, как стало известно про этот необитаемый остров, ребята потеряли покой. Самое слово «необитаемый» дышит таинственностью. Так и кажется, что там, в этом глухом, неизведанном месте, человека на каждом шагу ждут самые необычайные приключения. А кто из ребят не любит приключений, кто не представлял себя пробирающимся в высоких сапогах, с ружьём по лесной чаще, полной неведо-

мых опасностей? Если и есть где-нибудь такие мальчики и девочки, то в нашем лагере их не встретишь. У нас все любят приключения. Вот почему у нас, вожатых, всё время шли с ребятами разговоры об этом необитаемом острове. Идёшь, бывало, по лагерю, вдруг словно из-под земли вырастает кто-нибудь из мальчиков и начинает деловой разговор:

— Вера, я могу грести до самого острова. Ладно, я поеду?

Малыши бросали игры, кидались со всех ног:

— Вера, Верочка, мы поедем?

Мальчики постарше усмехались:

— Собрались... На необитаемый... — Они незаметно расправляли плечи.— Да, понимаете вы, там нужны настоящие люди. Куда вам, что вы там будете делать?

Даже застенчивые девочки из рукодельного кружка, которых до этой поры трудно было заподозрить в жажде приключений — так мирно они вышивали целыми днями свои салфеточки,— ходили, обнявшись, и шептались:

— Опять одни мальчишки поедут. Вот увидишь. Мальчишки поедут, а мы сиди в лагере...

Никто даже мысли не допускал, что остров останется неисследованным. И когда начальник лагеря действительно решил послать экспедицию, восторгам не было конца. Но было одно затруднение. Как из трёхсот ребят, готовых плыть, грести, сражаться,— одним словом, делать всё, что нужно в пути,— выбрать только семерых. Это было нешуточное дело, тут можно нанести сразу двести девяносто три обиды. Но наш совет лагеря поступил просто: он предложил каждому отряду, кроме самых младших, выделить по одному человеку. Два места были даны обществу разведчиков природы и нашему спортколлективу «Молния».

Отряды взялись за дело горячо. Они заставляли своих кандидатов состязаться в плавании, в гребле, в лазании, в следопытстве. Я помню багряное зарево над берегом — это третий отряд развёл сразу двадцать пять костров. Помню длинную очередь у гладкоствольной сосны — на неё должен был взобраться каждый, кто хотел попасть на остров. Помню тридцать рассказов юных следопытов о лесной тропе.

И вот в один прекрасный день на линейке выстроилось семь человек, экипаж экспедиции, и ребята всех отрядов дружно приветствовали их. Выбор был сделан честно, поэтому обиженных не было.

Вот кто сидел сейчас в нашей лодке. Вася Куртышев, спокойный и рассудительный мальчик, он был самый старший и считался у нас капитаном; геолог Слава Романов, розовощёкий и застенчивый; две девочки из биологического кружка — Надя и Оля. Оля была грозным нападением нашей волейбольной команды. У неё были сильные жёсткие ладони, исцарапанные коленки. Рядом с хрупкой, тоненькой Наденькой она казалась особенно широкоплечей и крепкой.

— Давай я погребу,— предлагала она Пете Суслову, нашему художнику, сидевшему на вёслах.

Но Петя упрямо качал головой.

— Как условились. До первого озера,— отвечал он. Петя был упрямый, настойчивый человек, он решил к восходу солнца добраться до озера и теперь даже на берега не смотрел.

На ящике с картошкой сидел самый младший член нашей экспедиции, Вова Пешкин, черноглазый, живой и весёлый мальчишка, страстный коллекционер жуков. Он всё время вертелся, ему хотелось видеть сразу и правый и левый берег. Ящик под ним трещал, и наконец Вася пересадил Вову на корму к Славе.

Впереди нас на байдарке плыл Толя Кузнецов, отличный пловец и хороший разведчик.

Все семь путешественников были взволнованы. Накануне, на вечерней линейке, экипаж прощался с лагерем. Было темно. Поляна, окружённая лесом, тонула в синих сумерках. В строю сливались фигуры ребят. А небо было ещё светлое, видно было, как бьётся флаг на высокой мачте. Константин Васильевич, начальник лагеря, говорил о мужественных людях, которые открывают новые земли, о «белых пятнах» и загадках, которые встречаются на пути человека.

— Люди ленивые идут проторёнными дорогами,— говорил он,— а я хочу, чтоб в вас всегда жил пытливый дух путешественников, чтобы вы стремились открыть всё неразгаданное, что встретится вам в пути. Я рад, что в нашем лагере каждый готов исследовать необитаемый остров, и можно прямо сказать: весь лагерь посылает вас, ребята. Мы верим в ваши зоркие глаза, в настойчивость, в упорство. Мы верим: вы сумеете проникнуть в тайны неизученной земли...

Всё в лодке говорило о доброй заботе наших друзей: и бамбуковые удилища — рыболовы отдали экспедиции свои снасти, и сачки из жёлтой и голубой марли — их сделали девочки, и красный флажок, который бодро развевался на носу,— его подарили ребята младшего отряда. А сама лодка тёмнозелёная, с белой надписью «Остров», блистала свежей краской — мальчики из старшей баскетбольной команды заново просмолили и выкрасили её. Баскетболисты очень гордились тем, что их капитан Вася Куртышев — член экспедиции.

Мы отъехали уже далеко от лагеря. Поднялось солнце, река заблестела, туман умчался.

— А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер,— тоненьким голоском запела Наденька.

Мы все подхватили.

— Расскажи нам про чащи лесные,
Про звериный запутанный след, — неслось над рекой.

Толя Кузнецов, плывший впереди, поднял весло. Это был знак — подходим к озеру.

Озёр в этом краю было много. Когда-то по ним ходили пароходы. Но с тех пор как неподалёку проложили канал, озёра опустели. Мы проплыли одно пустынное озеро, второе и увидели третье — здесь и находился наш остров.

Озеро было огромное. Деревья на берегу низко склоняли над водой ветви. Мелкая рябь пробегала порой по светлой глади. У берега в прозрачной глубине почти до самого дна были видны красные и жёлтые стебли кувшинок. Листья их, распластанные на воде, поднимались от ветра, как гребешки. Плотной, густой стеной тянулись бледнозелёные, словно выцветшие на солнце, прибрежные камыши.

Толя поплыл вперёд, чтобы найти среди камышей протоку для нашей плоскодонки.

Молчание воцарилось в лодке. Наденька и Оля, сидевшие вдвоём на вёслах, еле двигали ими. Было видно, как Толя то въезжает в камыши, то выплывает из них. Порой виднелось только его высоко поднятое весло.

Странное чувство охватило нас. Где-то здесь, совсем рядом, был необитаемый остров, и от этого тишина на озере казалась нам таинственной.

Мы прислушивались к каждому звуку. Вот всплеснулась рыба, закуковала кукушка. Да полно, кукушка ли это? А вот она смолкла. Отчего? Что напугало её?

Вдруг над озером, заставив нас вздрогнуть, раздался громкий крик.

— Земля! — кричал Толя Кузнецов.

Тотчас все оживились, застучали уключины, лодка вошла в камыши.

— Как в лесу,— сказала Наденька, дотрагиваясь рукой до шуршащего камыша.— И, глядите, вода зелёная.

Вода действительно была зелёная, мелкие листочки ряски сплошь покрывали её.

Неожиданно прямо из коридора камышей перед нами встал жёлтый обрывистый берег. По нему, словно застывшие змеи, тянулись обнажённые корни деревьев.

— Земля! Ура! — закричали все разом.

Гребцы налегли на вёсла, чтобы с хода врезаться в узкий песчаный мысок у берега. Но тут раздался треск, нас сильно качнуло, лодка в трёх метрах от берега села на мель.

Вася опустил весло и упёрся им в дно.

— А делается в таких случаях вот что...

Он поднял шест, лежавший в лодке (мы захватили его с собой, чтобы в случае ветра поставить парус), упёрся в дно и перескочил на мысок. Лодка сразу всплыла. Но теперь уже всем хотелось прыгать. Прыгнул Слава, прыгнула Оля. А Надя встала на нос лодки, взяла шест в руки и посмотрела на воду:

— Ой, страшно!

— Ладно, сиди! — закричали мальчишки.— Мы сейчас подтянем лодку.

— Прыгай! — кричала Оля.— Честное слово, прыгнешь. Ну!

И Надя вдруг очутилась на берегу. Она и сама не понимала, как это шест перенёс её через воду.

— Я ещё никогда не прыгала с шестом,— смеялась она, невольно измеряя глазами широкое расстояние от лодки до берега.

— Когда-нибудь здесь будет пристань,— сказал Петя.— Здесь будет стоять пионер с горном.

— А пока, Петя, полезем-ка в воду,— посмеиваясь, позвал Вася.

Лодка заскрипела под натиском дружных рук и медленно стала приближаться к берегу. Скоро она встала рядом с байдаркой.

Мы поднялись на берег. Внизу у жёлтого обрыва играла вода на солнце, шуршал камыш, а здесь было тихо и сумрачно. Под высокими соснами во мху краснели веточки брусники. Они были похожи на

маленькие яблони, усыпанные розовыми наливными яблочками. На кустах можжевельника темнели сизые тугие ягоды. По земле тянулись мохнатые зелёные стебли плауна с поднятыми вверх острыми колосками.

Всё здесь дышало покоем и тишиной. Таким мы и ожидали увидеть наш остров!

Под соснами росло множество грибов. Тут были молодые, крепкие грибки со стрелками хвои, приставшей к шляпкам, а были и большие, уже старые грибы на хилых и мокрых ножках. Никто не собирал их. Ствол длинного дерева лежал на земле, весь заросший мохом. Древесина у него была мягкая и рассыпалась жёлтой пылью.

С высокой ветки вдруг выглянула рыжая белка. Она с интересом посмотрела на ребят. Так, должно быть, любопытные соседи глядят на нового жильца, въезжающего в дом.

Звеня, пролетел какой-то жучок и тоже как будто покосился на нас: что за народ? А лягушка, сидевшая под кустом, отпрыгнула в сторону и сердито зашлёпала в чащу. Она не любила заводить новых знакомств.

— Идёмте, идёмте, скорей вперёд! — возбуждённо звал Вова. Ему не терпелось проникнуть в глубь острова.

— Ну, а лодки? Так и бросим всё? — спросил Вася. — По-моему, надо сначала лодки убрать.

Решили так: Толя, я и Оля пойдём отыскивать место для стоянки, Вася и Слава разгрузят лодки, а Вова, Петя и Наденька разожгут костёр и сварят обед, первый обед на острове.

Мы пошли.

Обычно в походах наш путь пересекали лесные тропинки или просёлочные дороги, заросшие по обочинам травой, до нас доносились гудки автомобилей и поездов; мы знали, что за лесом покажется на пригорке деревня, встретятся люди... А здесь мы шли, шли — и нигде не было ни тропинки, ни следа жилья. И чем дальше мы шли, тем яснее чувствовали, что мы одни на всём острове, что в самом конце пути, кроме пустынной водной глади, ничего не встретим, что никто не укажет нам дорогу, никто не откроет дверь тёплой избы, если случится дождь. Мы были одни.

Толя озабоченно делал засечки на деревьях и связывал пучками траву. Он забегал вперёд, углублялся в чащу, накинув на ноги связанный ремень, влезал на высокие сосны, осматривая местность. В своей старой, выцветшей кепке, с ножом за поясом — начальник лагеря дал каждому мальчику в путь по ножу, — опоясанный толстым солдатским ремнём, ловкий и смелый, Толя был похож на настоящего открывателя земель.

А Оля шла спокойно, размеренно. У неё был совсем другой характер, чем у Толи. Она неторопливо и внимательно разглядывала всё кругом. Но так же, как Толя, она уверенно продиралась сквозь заросли малинника, спускалась в тёмный овраг и даже не вскрикнула, когда из-под самых ног из травы вырвалась какая-то птица.

— В таких случаях делается вот что...

Место для стоянки мы нашли отличное: на опушке леса, у широкого чистого ручья с белыми камешками на дне.

На обратном пути мы то и дело находили свои вешки, «верстовые столбы», как называла их Оля, узнавали какой-нибудь засохший сук или сросшиеся вместе сосенки. Дорога была знакомой.

— Давайте придумаем название острова, — предложил Толя.

Мы задумались, но, должно быть, ещё слишком мало знали остров, чтобы придумать для него настоящее, хорошее название.

— Знаете что, ребята,— предложила я,— давайте пока его никак не называть. Назовём в последний день, когда будем уезжать.

Так и решили.

Ребята выбежали нам навстречу. Удивительно, как много событий случилось за это короткое время.

Оказывается, Слава видел блёстки слюды на обрыве, в озере водятся щуки и сазаны, лодка уже разгружена, костёр зажгли одной спичкой, в коробке с сахаром оказались кем-то положенные конфеты, Вовка видел под деревом нору, найдены травы с тягучим и белым, как молоко, соком. Может быть, в них содержится каучук?..

— Стоп! — смеясь, сказала я.— А есть ли на нашем острове пшённая каша? Такая, чтобы её можно было тотчас же съесть.

— Есть! — бодро ответила Наденька и захлопотала около котелков.

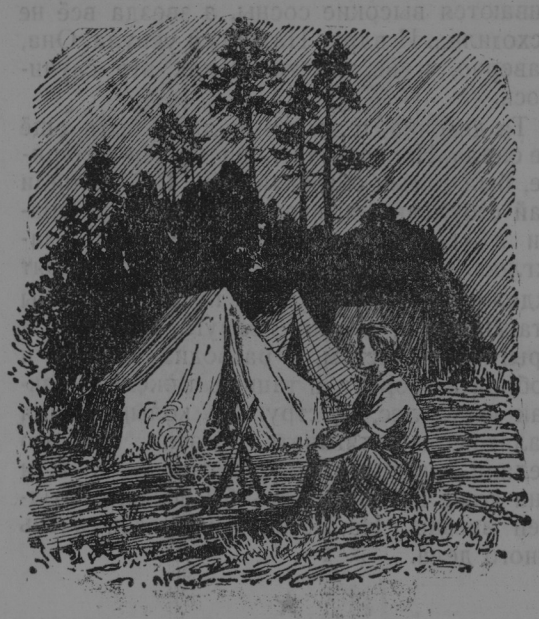
Какой у нас был обед! Самый лучший повар не придумает такого. Соль в белой раковине — и не хочешь, а потянешься к ней; корочка у каши запеклась, так и хрустит на зубах; на зелёных тарелках-лопухах горкой лежат розовая брусника, колбаса, нарезанная кружочками; банка со сливочным маслом обёрнута мокрой тряпкой — масло холодное, крепкое. В золе видны яйца с жёлтой от огня скорлупой. А на деревянных палочках жарятся три маленькие рыбёшки, первый васин улов.

— Завтра будет уха, это ещё времени не было наловить,— говорит Вася, поворачивая палочки над огнём.

Вова подсаживается ко мне.

— Вера, какие здесь жуки!— шепчет он.

Карманы его оттопыриваются от коробочек. В них что-то звенит, жужжит, тикает. как часы.



Я осталась сидеть у костра: нести первую вахту.

После обеда мы разметали костёр, залили водой головешки и, взвалив на плечи наши грузы, тронулись к ручью, к месту нашей стоянки.

Ещё не наступили сумерки, а уже вырос наш маленький городок: три палатки и шалаш — склад продуктов. Строители так устали за день, что даже ужина не варили. Поели холодного мяса и улеглись спать.

Я осталась сидеть у костра: нести первую вахту.

Когда, казалось, уже все уснули, я услышала за спиной сонный надин голос:

— Верочка, который час?

Я пододвинулась к огню и посмотрела на часы. Было четверть одиннадцатого.

— А почему ты не спишь? — спросила я девочку.

Она лежала, высунувшись из палатки, и глядела вверх, в тёмное звёздное небо.

— Я гляжу на звёзды.

— А спать?

— Мы сговорились с Леночкой Семёновой смотреть вместе на одну звезду,— ответила Надя.— Она будет смотреть и думать обо мне, а я буду думать о ней. Мы подруги.

И Наденька долго не спала. В тишине слышно было, как журчит тёмный ручей, как постукивают, перекатываясь, мелкие камешки, чуть поскрипывая, мерно пока-

чиваются высокие сосны, а звезда всё не всходила... И вдруг Наденька уснула. Она, наверно, и не заметила, как это случилось.

Та девочка, в лагере, должно быть, ещё не спала. Но ведь там, на нашем материке, был самый обычный день. Ребята пили чай с булочками, играли в волейбол, спали в «тихий час». Едва стемнело — зажглось электричество, в спальнях ребят ждали мягкие постели. А попробовала бы эта Леночка, надина подруга, и грести, и прыгать с шестом, и разводить костёр, и собирать хворост, и тащить тяжёлый рюкзак через лес, и стругать колышки для палаток, и натягивать брезент, как это делали сегодня наши ребята, пожалуй, и она тоже не дождалась бы восхода поздней звезды. На острове у людей очень много дела.

★

Шёл четвёртый день нашей жизни на острове. Вечером мы отправились на озеро купаться. Вдруг из лесу услышали громкий крик Толи:

— Стойте! Стойте! Стойте!

Мы остановились. Толя мчался к нам.

— Я нашёл пень,— сказал он, подбегая.

Мы недоуменно переглянулись.

— Как вы не понимаете?—в свою очередь удивился Толя.— Здесь были люди. Идите, посмотрите. Дерево срублено.

Так на четвёртый день, накануне отъезда, начались наши волнения.

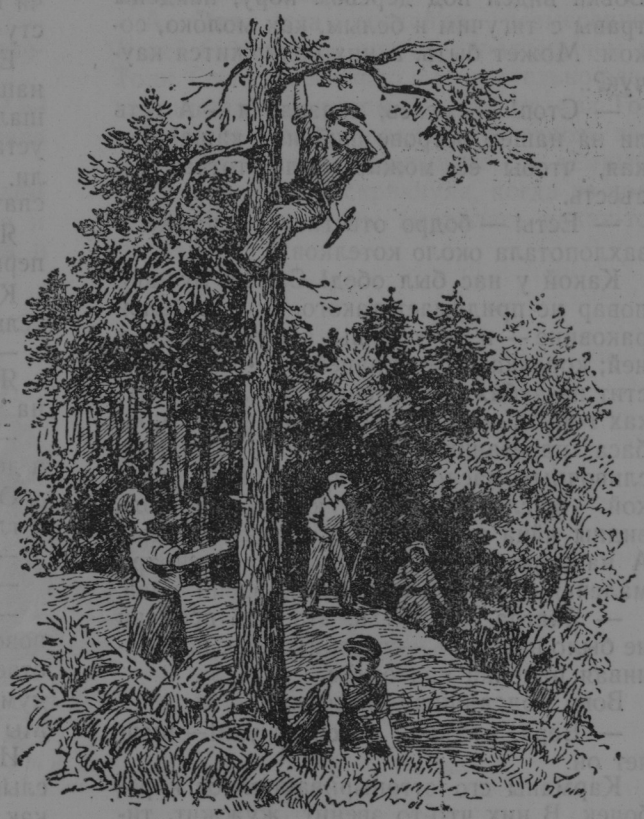
До этого дня жизнь шла спокойно. Было сделано много больших и малых открытий, у нас уже были образцы известкового туфа, слюды, синей юрской глины. Были собраны травы-красители и лекарственные — мягкая ромашка, валериана, колоски плауна, толокнянка. В вовиной коллекции были представлены чуть ли не все жуки острова. Петя составил большую топографическую карту.

Пролегла тропинка от озера к ручью. Стол и две скамейки появились у сосны. У ручья, окружённый белыми камешками, уже который раз менялся наш «альбом следов». Мы поливали водой этот илистый кусочек берега, и Петя срисовывал следы птиц, прилетавших сюда напиться.

Вася заканчивал описание озера. Он вёл наблюдение над «озёрным барометром» — так он называл кувшинку (перед непогодой лепестки её закрывались), — над тёмными ёлочками эллодеи, среди которых жило много водяных насекомых, и над удивительными водорослями, лежавшими на воде, как тонкие светлые лучи.

У Васи была одна тетрадка с надписью «В непогожий день». Она начиналась с рассказа о комарах. Они появились из личинок, когда по озеру ходила большая волна. Маленьких, слабых комариков захлестнуло, и весь выводок погиб. Только двое спаслись, зацепившись за ветку, плывшую по озеру.

Уже почти был заполнен и дневник экспедиции. Рядом с неторопливыми и обстоятельными заметками Оли о климате острова шли рассказы Наденьки о цветах, торопливые записи Толи о соревнованиях по преодолению препятствий. В дневнике были описаны разные случаи из нашей жизни, вроде истории с Вовкой. Вовка поймал однажды крота и, чтобы крот не убежал, накрыл его котелком. Но, подняв котелок, увидел только кучку рыхлой зем-



Необитаемый остров был исхожен вдоль и поперёк.

ли. Крот исчез. По этому поводу была нарисована картинка: толстый самодовольный крот весело рассказывает маленьким кротам историю своего спасения. Были там и другие истории. У Пети осталось только две страницы на торжественное описание нашего отъезда.

Необитаемый остров был исхожен вдоль и поперёк. Казалось, он не таит от нас никаких тайн. И вдруг этот пенёк...

Мы пошли за Толей. Пенёк стоял на краю поляны, около молодых ёлочек, маленький, неприметный. Гладкая его лысинка была непохожа на острые верхушки тех взъерошенных пеньков, которые оставались от деревьев, поваленных ветром.

Ребята расстроились.

— Вот тебе и необитаемый! — протянул Вовка.

И Петя вздохнул. Дневник у него начинался торжественно: «Стук топора впервые нарушил тишину острова...»

А я подумала о том, что это интересная находка, и сказала:

— Вот говорят, по оторванной пуговице можно многое узнать. Давайте посмотрим, что нам расскажет пень.

— Как расскажет? — удивился Вовка.

— Очень просто. Ведь рассказал же он Толе, что дерево не само упало, а срублено. Ну вот, например, как, по-вашему: куда делось срубленное дерево?

Тут уж не один Вовка, все ребята посмотрели на меня. Потом быстро перевели взгляд на поляну, словно дерево лежало где-то там, среди мерно колыхавшейся травы и светлых головок ромашки. Но дерева там не было.

— Наверно, сожгли,— подумав, ответил Вася.

— Но тогда остался бы след костра,— быстро подхватил Толя.

— А может быть, они сделали шалаш? — задумчиво проговорила Оля.

— На этом дереве, наверно, уплыли,— высказался Вовка. — Я читал в одной книге...

— Но ведь это дерево росло далеко от берега, — перебил Толя. — Кто бы стал тащить его отсюда? Они, если б хотели уплыть, срубили бы на берегу. Да и приплыли же они сюда на чём-то.

Мы задумались. Стоя над пеньком, мы как будто ждали, что он сейчас заговорит и расскажет нам, как тут всё было. Но ведь это только в сказках деревья разговаривают и смеются. Наш пенёк молчал, как все настоящие пеньки.

Пенёк стоял на краю поляны.

Темнело. Мы вернулись в лагерь, но весь вечер разговор неизменно возвращался к пеньку на поляне. Все строили свои догадки.

Когда я заикнулась об отъезде, ребята встревожились:

— Вера, неужели мы завтра уедем? Ведь Константин Васильевич сказал, что если будет что-нибудь очень важное, мы можем задержаться до воскресенья. А сегодня только пятница.

Я согласилась:

— Ладно. Остаёмся.

Едва поднялось солнце, все уже были на ногах. После завтрака Толя отправился обследовать овраг, Вася и Коля — ручей, Слава — брусничную поляну, Оля и Вовка должны были «прочесать» лес, примыкавший к поляне с жёлтым пеньком.

Я считала, что важным местом в поисках может оказаться овраг. Весенним половодьем туда могло снести щепки, бумажки или ещё что-нибудь, рассказывающее о людях. Я помогла Наде, дежурившей в этот день по хозяйству, и мы с ней пошли к оврагу.

Толя сидел на краю обрыва и что-то сосредоточенно разглядывал.

— Вера! Смотрите, что я нашёл! — порывисто вскочил он.

Он держал в руках старую консервную банку. В ней были пробиты две маленькие дырки, заменявшие, должно быть, ушки для ручек. Даже сквозь ржавчину видно

было, что банка закопчённая. Наверно, её ставили на огонь.

— Может быть, здесь ещё что-нибудь найдётся,— сказал Толя.

Мы полезли в овраг и стали искать вместе. Овраг был длинный, узкий. Тонкой белой дорожкой на дне лежали белые камешки. Склоны заросли кустами и густой травой. Раздвигая их, мы внимательно разглядывали землю. Но кроме обломанных веточек и засохших листьев, ничего не видели. Я решила наведаться к ручью, узнать, как там идут дела. В это время Толя раздвинул рукой пышные ветки куста, и нашим глазам открылся тёмный след костра. Три головешки лежали одна на другой.

Это открытие поразило нас. Мы безмолвно смотрели на чёрные головешки. Костёр в овраге... Почему именно в овраге, в этом глухом месте?

Понизив голос, Толя сказал:

— Они скрывались...

И тотчас нам представилась тёмная ночь — одна из тех ночей, которые мы хорошо знали на острове,— и люди, освещённые неярким светом костра. Он был, должно быть, небольшой, этот костёр: они боялись выдать себя. Что это были за люди, отчего они скрывались?

— Может быть, партизаны?..

Да, это могло быть. В здешних местах шла война.

В это время Вася и Петя сделали важное открытие на ручье, оно тоже подтверждало нашу догадку.

Вот что значит искать! Казалось, мы сотни раз проходили вдоль ручья, знали каждую его извилинку, каждый камешек на берегу. Сотни раз мы видели и тяжёлый серый камень, разделявший ручей на две струи. Он был в трёх шагах от нашего «альбома следов». Но только теперь ребята обнаружили за камнем своеобразную «кладовую» — в ней собиралось всё, что приносила вода ручья. Ребята осторожно сдвинули камень. Быстрым потоком понеслись ветки, маленькие щепки, рассыпались камешки, скопившиеся за ним. В прозрачной воде мелькнуло что-то тонкое, гибкое, похожее на маленькую змейку. Вася схватил эту «змейку».

— Провод! — воскликнул он.

Скрученный из тонких проволок, провод походил на кусочек антенны. Значит, на острове когда-то шла связь?

На другой день к нашим трофеям прибавился ещё один. Толя нашёл на берегу палку. На гладком стволе её виднелись плоские круглые бугорки, похожие на натёртые мозоли. Кто-то острым ножом срезал все сучки и ветки. Толя стал рассматривать палку. Нижний конец был обтрё-

— Вера! Смотрите, что я нашёл!

пан. Значит, кто-то ходил, тяжело опираясь. Должно быть, это был высокий человек — палка доходила Толе до груди. Кто это был — раненый, больной?

Постепенно мы создавали себе историю людей, живших до нас на острове. Они жили здесь несколько лет назад, осенью или поздним летом. Жили, очевидно, недолго, но и не один день. Они скрывались, и остров служил им убежищем. Кто-то из них был ранен или болен... Должно быть, у них было плохо с продуктами. На дне оврага, недалеко от костра, валялась кучка старых тёмных желудей, а дубов поблизости не было. Можно было предположить, что жёлуди собраны для еды.

Мы всё больше представляли себе людей, которые здесь жили. Как много рас-

сказывала нам даже одна консервная банка! Мы словно видели большие руки, которые ставили её на огонь, и обветренные сухие губы, прижимавшиеся к её острым неровным краям... Наши мысли всё время возвращались к этим людям. Где они сейчас, живы ли?

Я часто думала о том, как изменилась наша жизнь на острове. В первые дни она шла так спокойно, весело, интересно. Ребята бегали за жуками, за бабочками, они охотно изучали остров. Но как далеко это было от того волнения, которое охватило нас теперь!..

Мы ложились спать поздно, за разговорами засиживались у костра.

— А как ты думаешь, как они сюда перебрались? — забрасывает Толя вопросами Васю и сам отвечает: — А я думаю...

— Видишь ли,— медленно говорит Вася,— на острове не могло быть много людей...

Оля задумчиво смотрит, как прыгают искорки с ветки на ветку, как занимается хворост. Оля говорит мало, но когда она говорит, все ребята прислушиваются к её словам. Это она предложила осмотреть ручей, это она заметила жёлуди.

В стороне от костра сидит Вовка.

— Они могли высадиться только ночью,— слышит он, и глаза его блестят. Он как будто видит перед собой плывущую в камышах лодку, настороженную ночную темь...

В эти вечера мы переносились в прошлое нашего островка и словно заново оглядывали его. Всё теперь для нас было иным, чем в первые дни.

Необитаемый остров открыл нам свою самую дорогую тайну.

★

Наступил день отъезда. Мы уезжали очень рано, едва светало. Из лёгкого тумана выплывали стволы деревьев. В густой траве едва вырисовывались отдельные стебли. Даже птицы ещё спали.

Мы сложили палатки, связали спальные мешки.

— Ничего не забыли? — спросила я, оглядываясь.

Как пусто выглядела опушка, где только что стоял наш лагерь!

Знакомой тропой шли мы к озеру. Шли быстро. По дороге в лагерь решено было заехать в Прохоровку и узнать там о партизанах.

— Ещё бы денёк пожить, — вздыхал Вовка, — мы бы и сами, Вера, всё узнали.

— Эх, Вовка, — потрепала я его по кудрявой голове. — Ты пойми, что в памяти людей о героях сохраняется гораздо более глубокий след, чем могут сохранить все леса и овраги: народ помнит их. В Прохоровке, я думаю, мы многое узнаем.

— Я понимаю. А всё равно уезжать жалко.

Мы вышли к озеру, погрузили вещи, заняли свои места в лодке и медленно отплыли от берега. Вот зашуршали камыши по бортам лодки.

— До свиданья, островок! Прощай! — крикнули мы.

И стало вдруг грустно. Стало жаль и уходящего берега, и тихих, спокойных сосен, и далёкого ручейка, что журчит на острове. Маленький, затерянный среди озёр, островок стал для нас близким, любимым, частью нашей большой родной земли.

— А мы его никак не назвали! — взволнованно проговорил Толя.

И Вася негромко ответил:

— Партизанский.

В Прохоровке, в правлении колхоза мы застали старичка-счетовода. Он выслушал нас, подумал, помолчал.

— Где были партизаны? — переспросил он.— Партизаны всюду были. Где родная земля, там непременно был на её защите солдат или партизан.

— А я, пожалуй, знаю, про какой остров вы говорите, ребята,— вмешался в нашу беседу молодой паренёк, крутивший ручку телефона. Он оказался секретарём комитета комсомола.— Это уж не там ли, где наш Василий был, на «Пятачке»?.. Ну-ка, что вы там нашли, покажите. Банку? Мало. А это что? Провод? Тоже там нашли?

Толя стал торопливо рассказывать, как мы нашли костёр в овраге, как открыли «кладовую» ручья, как пришли к убеждению, что жили на острове партизаны, что их было немного, что жили они там осенью, как в овраге рядом с банкой нашли жёлуди.

— Неужто жёлуди сохранились? Столько лет прошло!—воскликнул комсомолец.

Он внимательно посмотрел на нас.

— А вы почти не ошиблись, ребята, — сказал он.— Это партизанский остров. Только был там всего один человек — наш радист Василий Поздняков. Там, на «Пя-

тачке», стояла рация, Василий передавал партизанские донесения на Большую землю. Место это тихое, укрытое. Только два человека знали, что там наша рация,— начальник партизанского отряда и один рыбак. Этот рыбак по ночам выезжал на озеро, будто рыбачил, а на самом деле возил Василию донесения и продукты. Но однажды фашисты напали на наш партизанский отряд, рыбака убили, начальник был тяжело ранен. Связь с Василием прервалась. А время было горячее. Фашисты готовили наступление, по озеру шли транспорты со снарядами, с пушками. Понял Василий: нельзя оставить нашу армию без сведений об этом. Тысячи солдат могут головы сложить. Он стал сам вести разведку, прячась в камышах. А ночью передавал на фронт, сколько пароходов прошло, что везут.

Восемь дней он жил на острове. Продуктов у него не было, питался травой, желудями. Была уже осень, холод, у него распухли ноги... Да что! Он сам вам всё расскажет. Вот приедет — спросите.

— Как приедет? Где он? — заволновались мы.

— Да на воскресенье поехал в город. Завтра, должно быть, вернётся. Я скажу ему, он придёт к вам в лагерь.

Так, из этого простого рассказа, мы узнали о человеке, чьи следы мы искали на острове, о мужественном радисте с «Пятачка»...

Вот и лагерь. Всё ясней видны зелёные берёзки на горе. Красный флаг развевается на высокой мачте. Навстречу нам с горы бегут ребята. Мелькают разноцветные платья, вспыхивают красные галстуки. Кажется, сейчас проломятся мостки, так много ребят собралось на берегу. А с горы всё бегут, бегут. Ещё бы! Вернулась экспедиция с необитаемого острова!

— Мы уж заждались! — радостно говорит Константин Васильевич.

Кругом суматоха, смех. Вон Наденька обнялась и крепко целуется с Леночкой Семёновой, с той, что на звезду смотрела. Вон, в кругу своих приятелей, весело рассказывает что-то Вовка. Вася выгружает вещи с лодки, и десятки рук по цепочке передают их на берег. Вон уже добралась до берега плетёная корзинка с ежом, вон ящичек с вовиными жуками, коллекция полезных ископаемых, гербарии.

— Осторожно! Осторожно! Здесь самый ценный груз! — кричит Толя.

Что там? Я оглядываюсь.

Над толпой плывёт белая коробка из-под макарон. В ней лежит ржавая консервная банка, кусочек жёлтого провода и старый, совсем тёмный жёлудь.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Е. Трутнева

Первый луч скользнул по саду,
На цветах зажёг росу.
Заблестела с кадкой рядом
Паутинка навесу.

Золотыми стали лейки —
Все четыре, до одной;
Загорелся на скамейке
Позабытый нож складной.

Парусами вздулись шторы,
Заплескались на окне.
Солнце пёстрые узоры
Разбросало по стене.

Ветер сдул с окошка мячик...
У ворот заржал Гнедой,
И в усадьбу детской дачи
Бочка въехала с водой.

Закричал петух с задворок:
«Не пора ли вам вставать?»
Солнце вышло из-за шторок,
Село сбоку на кровать.

И, денёк встречая новый
Гимном Сталинской страны,
Зазвучал, запел в столовой
Репродуктор со стены.

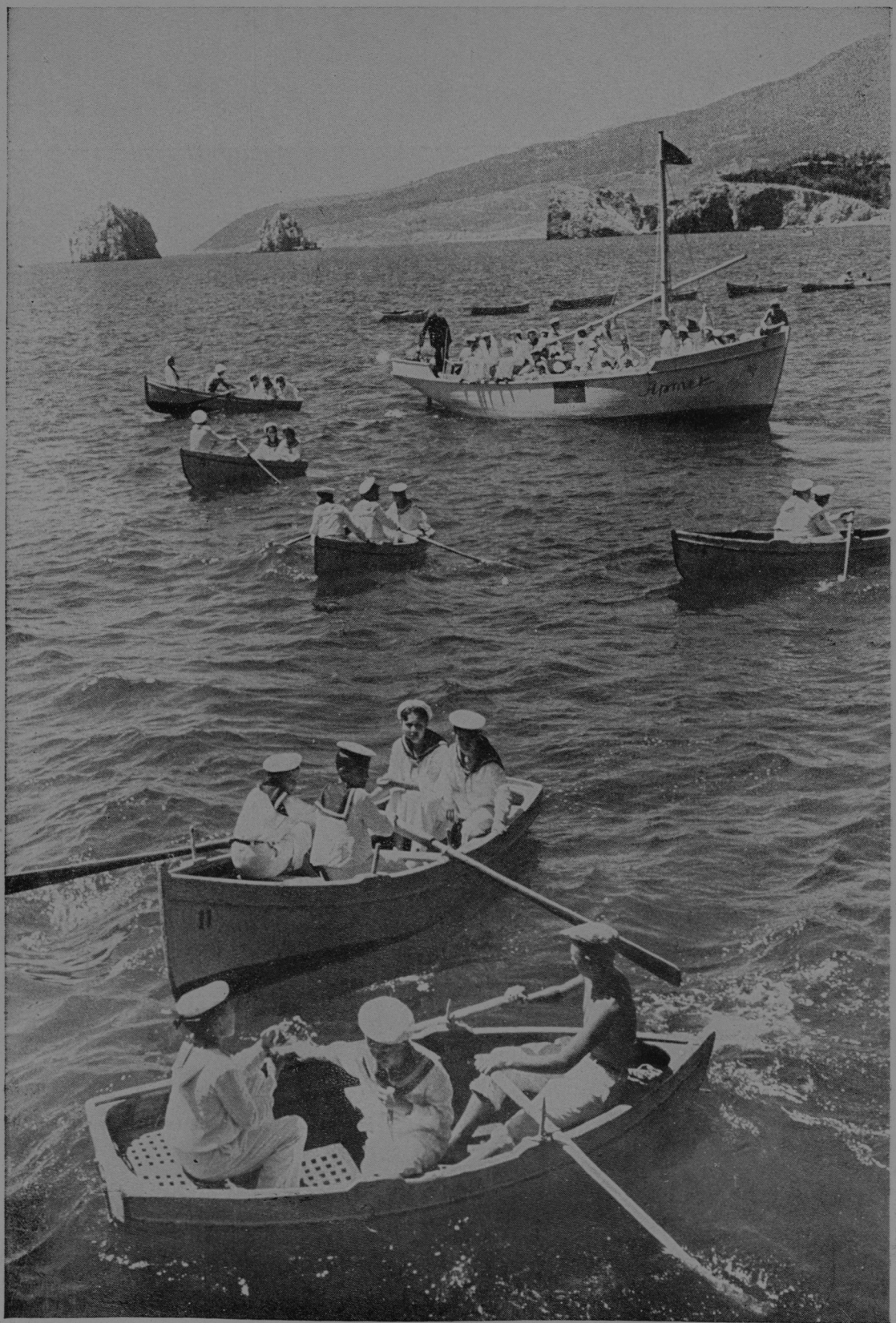
В доме сразу шумно стало:
Смех, веселье, беготня.
Вот оно — пришло начало
Летнего большого дня!

Ждут в лесу пути-тропинки,
Голубые родники,
Завтрак в поле у ложбинки,
Незабудки, васильки.

На лугу — ручей под ивой,
Берег солнечный, речной.
С добрым утром, день счастливый,
Мирный день страны родной!

КАЗАХСТАНСКИЕ КОВРОВЩИЦЫ. Л. Леонтьев.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.



АРТЕКОВЦЫ НА ПРОГУЛКЕ.

Фото В. Горшкова.

АРТЕК, АРТЕК!

Артек!.. Каждый пионер и школьник нашей страны знает, что этот солнечный край на берегу Чёрного моря принадлежит детям. Туда, на Южный берег Крыма, приезжают они со всех концов страны набирать новых сил, загорать под ярким солнышком, купаться в шумном и ласковом море.

Артек — всесоюзный лагерь юных пионеров нашей страны.

Двадцать пять лет назад наше правительство, заботясь о здоровье детей, подарило им прекрасный вечнозелёный парк у подножья Аю-Дага. У самого берега моря были разбиты брезентовые палатки. В них поселились первые артековцы. Тридцать пионеров выстроились на линейке в день открытия первой лагерной смены в Артеке летом 1925 года.

Вырос и ещё прекраснее стал с тех пор Артек. От Аю-Дага до Гурзуфа — на семь километров раскинулись его тенистые парки с белеющими в них дворцами и дачами. Круглый год отдыхают теперь в Артеке ребята. Только в послевоенные годы в нём отдохнуло около тридцати тысяч пионеров.

В этом году Артек празднует своё двадцатипятилетие.

Все, кто хоть один раз побывал в Артеке, на всю жизнь сохранят воспоминания о чудесном лагере на берегу тёплого моря. Вот что пишут о нём ребята.

ЛАГЕРЬ ДРУЖБЫ

Со всех концов страны приезжают ребята в Артек. В одной смене со мной были девочки из Москвы, Белоруссии, Украины, с Дальнего Севера, из Туркмении и Грузии. Одна девочка была даже с острова Сахалина. Чтобы попасть в Артек, она проехала десять тысяч километров: сначала — пароходом, потом — самолётом, от Москвы до Симферополя — поездом и, наконец, с вокзала в лагерь её привезли в артековском автобусе

В одной артековской песне так и поётся:

Из Омска, из Орла,
Из пограничного села,
Со всех концов лесов, полей и рек
И самолёт летит и паровоз гудит:
«В Артек, в Артек!»

Каждые два месяца в Артек приезжают всё новые и новые пионеры: отличники учёбы, ребята, помогавшие взрослым в уборке урожая, участники Великой Отечественной войны. Приезжает много ребят, отличившихся в пионерской работе. Прошлым летом воспитанник нашего интерната Ваня Пинчук подружился там с ленинградским пионером Колей Орловым. Школа премировала Колю путёвкой в Артек за то, что он был хорошим председателем пионерской дружины. Пионерская организация их школы лучшая в районе.

В Артеке все ребята становятся друзьями. Им есть о чём поговорить, есть чему поучиться друг у друга. Мне и другим девочкам нашего интерната, побывавшим в Артеке, и сейчас пишут девочки, с которыми мы вместе отдыхали. Особенно крепко подружилась я с Карагыз Абжаевой из Туркмении.

У московских пионеров существует даже традиционный день встречи москвичей-артековцев. На такой встрече недавно был Ваня Пинчук. Теперь у него много друзей среди пионеров столицы.

Все, кто хоть один раз побывал в Артеке, никогда не забудут этот чудесный лагерь, лагерь дружбы и славных пионерских традиций.

Наташа Ганшина,
воспитанница интерната при школе памяти В. И. Ленина, ст. Горки-Ленинские

ЗА ЧТО Я ПОЛЮБИЛ АРТЕК

В Аргеке я был зимой. В это время пионеры там не только отдыхают, а и учатся. Но времени на всё хватает: и на уроки и на отдых. Это потому, что в Артеке ребят учат правильно распределять своё время.

Мне особенно понравился этот замечательный лагерь тем, что каждый может найти там занятие по душе.

Я ещё раньше любил ботанику и каждое лето собирал гербарии растений и коллекции бабочек. Поэтому в Артеке я всё свободное время проводил в парке.

Даже зимой артековский парк необыкновенно красив. В нём много вечнозелёных деревьев. Круглый год зеленеют стройные кипарисы, густолистые лавры, развесистые мексиканские сосны. Иголки у этих сосен длиной в четверть метра, а шишки такие огромные, что трудно понять, как они держатся на дереве.

Вся эта яркая, свежая зелень так не вяжется с нашим представлением о зиме!

В Артеке я впервые увидел различные породы кедров. Очень интересен ливанский кедр. Ветки у него расположены совершенно горизонтально и покрыты мелкой голубоватой хвоей. На ветвях много шишек, но найти их под деревом невозможно: при ударе о землю они рассыпаются на мелкие чешуйки.

Незабываемое впечатление у всех, кто побывал в Артеке, оставляют велингтонии, они же секвойи, или, как их обычно называют, мамонтовы деревья. Это деревья-великаны. Гигантскими тёмнозелёными шатрами раскинулись они на просторной поляне парка Верхнего лагеря. Зелень их так густа, что в жаркий день под секвойей можно сидеть, как в шалаше: лучи солнца туда не проникают.

Эти девочки живут далеко друг от друга: Роза Ибрагимова (слева) в Узбекистане, Кима Байкара в Тувинской народной республике, а Алла Ключкина в Коми АССР. Они подружились в Артеке.

Интересное дерево—крупнолистый земляничник. В Крыму ему дали смешное название: бесстыдница. Это потому, что на зиму оно «раздевается», сбрасывает кожу, обнажая нежнорозовую древеси-

ну. В январе, когда в Москве стоят морозы, земляничник набирает бутоны и ранней весной цветёт. В январе же цветут белые крымские подснежники; оранжевыми цветочками покрывается шафран — растение из семейства лилейных; зреют ягодки падуба, кустарника, похожего на рябину. Листья падуба очень жёсткие, с длинными колючками во все стороны. Такой лист трудно засушить: как будто не лист в руки берёшь, а ежа.

В Артеке я увидел и понял, как интересен и разнообразен растительный мир. И я твёрдо решил стать биологом.

Анатолий Стрельников,
ученик 182-й школы, город Москва

ПОЧЕМУ Я СТАЛ МОРЯКОМ

Где теперь мои артековские друзья Саша Сазельев и Володя Лейманс? Вспоминают ли они о лете, проведённом в Артеке, о походах, беседах и песнях у костра, и особенно о море? Ведь в Артеке мы его увидели впервые. То тихое и ласковое, синее-синее, то грозное и мрачное, с пенистыми валами. На него можно было смотреть часами, не отрываясь. И когда Юра Юркан, вожатый нашего отряда, спросил, в каком кружке мы хотим заниматься, мы в один голос ответили:

— В морском!

С увлечением принялись мы за ремонт катера, изучили мотор, сигнализацию флажками, были «боцманами» и «капитанами», «машинистами» и «матросами». Мы целые дни проводили на море, научились вязать морские узлы, водить катер, выполнять любую работу на «корабле», как мы называли артековский катер «Бесстрашный». Помню, я чувствовал себя настоящим «морским волком», когда мне удалось в одну минуту передать сорок сигнальных знаков флажками!

Трудно в четырнадцать лет самому выбрать профессию. Артек мне подсказал: будь моряком!

С трёх лет у меня нет родителей. Но в нашей стране нет сирот: я нашёл свою семью сначала в детском доме, потом в Артеке, а теперь в мореходном училище. И хочу я только одного: скорее закончить училище и своим трудом отблагодарить любимую Родину за все её заботы обо мне.

Костя Авруцкий,
курсант мореходного училища,
город Рига

Внимание! Ещё секунда — и новая модель с шумом побежит по морской глади.

ПОХОД НА МЕДВЕДЬ-ГОРУ

Так выглядит Нижний лагерь Артека, если на него смотреть сверху, из парка. Рисунок пионера Сальникова.

В этот день мы встали в шесть часов утра.

Мы идём в поход на Аю-Даг, на Медведь-гору. Она и в самом деле похожа на медведя, пришедшего напиться к морю.

Ярко светит солнце. На небе ни облачка. Море нежно-нежно голубое и совсем спокойное. Оно сливается с небом, и горизонта совсем не видно.

Узкой тропинкой, теряющейся в низкорослом кустарнике, поднимаемся в гору.

Мы путешественники!

Жарко, хочется пить, но хоть у каждого из нас за поясом фляга с водой, никто не пьёт: путь предстоит большой, и воду надо беречь.

Первый привал на поляне у подножья горы. Мы поправляем обувь — и снова в путь. Тропинка уходит в сторону, а мы поднимаемся почти по отвесному склону, цепляясь за кусты и деревья. Поднимаемся очень медленно. Часто останавливаемся, чтобы полакомиться кизилом и барбарисом, и собираем для гербария веточки крымской рябины, дикого инжира, можжевельника, мушмалы и дикой розы. Вот, наконец, и дубовый лес, который снизу, из лагеря, казался нам кустарником.

Какой вид открылся перед нами, когда мы вышли на поляну! Внизу слева, среди остроконечных кипарисов, тёмнозелёных магнолий и сизых, словно дымкой подёрнутых, оливковых рощ белеют санатории. Справа безбрежное море. Под ярким солнцем оно сверкает расплавленным серебром. Игрушечным кажется отсюда пароход, идущий из Ялты.

Здесь, почти на вершине Медведь-горы, откуда видна цепь Крымских гор, руководитель похода рассказывает нам о древних народах, когда-то населявших Крым, об их культуре и быте, о геологическом происхождении Крымских гор. Мы рассматриваем памятник древних времён — остатки каменной стены монастыря.

Наконец мы на высоте 565 метров! Это вершина. Вот и заветный старый дуб! Мы знали о нём задолго до похода. Каждый отряд, побывавший здесь, оставляет записку в его глубоком дупле. Оставили такую записку и мы: пусть сохранится память о нашем походе.

Спускаемся мы новой дорогой, выходим к морю там, где «Медведь» жадно прильнул к воде. Ласковым шелестом встречают нас волны.

Мы возвращаемся в лагерь и поём старую артековскую песню:

Где гор великаны,
Где бродят туманы,
Где моря шумливый набег,
Под старой горою,
Что стала стеною,
Раскинулся лагерь Артек...

Из дневника пионеров 1-го отряда 2-го лагеря, осенняя смена 1949 года

Ребята, отдыхающие в Артеке, ездят на экскурсии в самые красивые места Южного берега Крыма. Шура Гуркович из Симферополя нарисовал, как их отряд въезжает в село Партенит.

В СОЛНЕЧНОМ АРТЕКЕ

Чудесный край... Край, Пушкиным воспетый,
Край гор высоких и густых лесов.
Здесь вся земля в ковёр садов одета,
Здесь плещет море у скалистых берегов.

Здесь зеленеют склоны Аю-Дага,
А в воздухе, в прозрачной синеве,
Приветствие нам посылают флаги,
Как будто на военном корабле.

А на дорожках и в тенистом парке
Мы слышим хор ребячьих голосов.
Сюда ребята едут из Игарки,
Из дальних сёл, из северных лесов.

И не забудут ленинцы навеки,
Как под седой громадою горы,
На Одоларах, в солнечном Артеке,
Пылали пионерские костры.

И будет помнить тот, кто был
в Артеке,
Где б он ни находился и ни жил,
О мудром и любимом человеке,
Который детям счастье подарил.

Валерий Самолётов,
ученик 324-й школы, Москва

В походе

РАПОРТ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ РЕБЯТ

Мы, дети Чехословацкой республики, прожили в Артеке пятьдесят пять дней. Эти дни мы запомним на всю жизнь.

Мы купались в море, загорели, укрепили своё здоровье. Мы провели много замечательных экскурсий. Никогда не забудем поход на Аю-Даг, экскурсию в белую Ялту, в Никитский сад, и особенно будем помнить город-герой Севастополь.

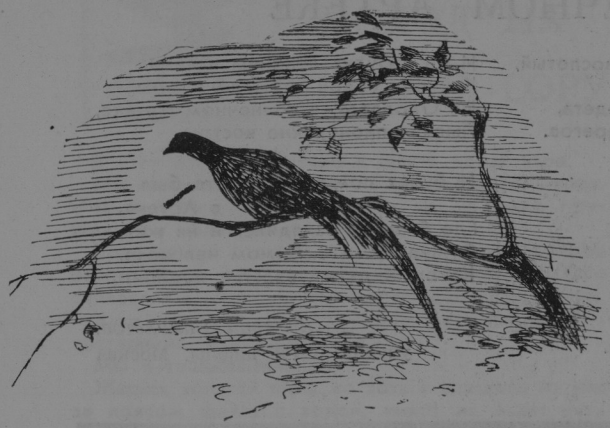
Жизнь в Артеке принесла нам много радости. Мы были участниками чудесных артековских костров, праздников, смотрели интересные кинокартины, радовались своим успехам в разных кружках.

Артековские руководители многому научили нас. Мы благодарим всех их за сердечный приём и большую заботу о нас.

Больше всего мы радовались дружбе с вами, дорогие советские пионеры. Мы искренно полюбили тех ребят, которые отдыхали вместе с нами. И память об этом будем хранить как самое дорогое о Советском Союзе.

Да здравствует дружба демократической молодёжи всего мира!

Группа ребят из Чехословакии, отдыхавших в Артеке.



ПЕСТРАЯ ИГЛА

Вл. Архангельский Рисунки Г. Никольского

На закате солнца залезаю в шалаш, подбиваю под себя мягкую подстилку из сухих листьев, разрезаю арбуз и ем его с тёплым, ароматным чуреком.

Прямо передо мной джунгли в разноцветном осеннем уборе. Не пролезть в них, не пробраться! Птицы и звери, которые любят укрытие и пугливо бегут от человека, ютятся в этих густых чащах лоха и гребенщика.

За лесом река Мургаб, окаймлённая высокими камышами, а за рекой молчаливая, угрюмая пустыня.

День окончился. Солнце глянуло на джунгли оранжевым глазом и скатилось за песчаный холм. Туман раскинул над рекой свою седую бороду.

На вершине тополя запел вечернюю песню дрозд, а в кустах отозвался хлопотливый фазан.

Я выбросил из шалаша арбузные корки и уселся поудобней. Очень хотелось мне увидеть, как садятся на насест фазаны.

Ждать пришлось недолго. На полянку выбежали два золотистых петушка, распушив перья, подняв вверх хвосты-метёлки.

Петушки долго трясли опущенными к земле головами, стукнулись грудью друг о друга, задорно хлопнули крыльями. Но подраться им не удалось: на полянку прилетели три коричневых курочки.

Усевшись под кустиком, курочки покрутили головками, послушали и стали разрывать лапками сухой песок, беспрерывно хлопая крыльями. Птицы купались в песке, облачко пыли повисло над ними.

А когда в лесу начало смеркаться, птицы расположились на ночлег.

Один петушок подбежал к моему шалашу, громко зацокал и полетел на дерево. Там он долго прыгал с ветки на ветку, затем успокоился.

В это время из-за бугра вылезла яркая, полная луна, и я увидел редкое зрелище: сидящий на дереве петушок попал в самый круг месяца. На золотом его фоне ясно был виден тёмный профиль фазана. Петух сидел на коротких лапках, согнув полукругом нарядный хвост и слегка наклонив голову.

«Верно говорили охотники, — подумал я. — Фазаны садятся на насест, как куры, и при луне их можно стрелять на деревьях».

Лунный свет вскоре залил всю полянку, на которой сидели птицы. Сидящий на дереве петушок встряхнулся и тихо крикнул. На земле раздался громкий треск крыльев, и скоро на дереве были уже все пять фазанов. Так в снежную зиму садятся у нас на голую берёзу чёрные тетерева.

Птицы заснули, и я начал собираться домой.

Но вдруг фазаны беспокойно закивали головами, и сейчас же в чаще послышался какой-то странный шум: словно тащили ежа по шуршащей листве или дёргали в кустах большую колючую ветку.

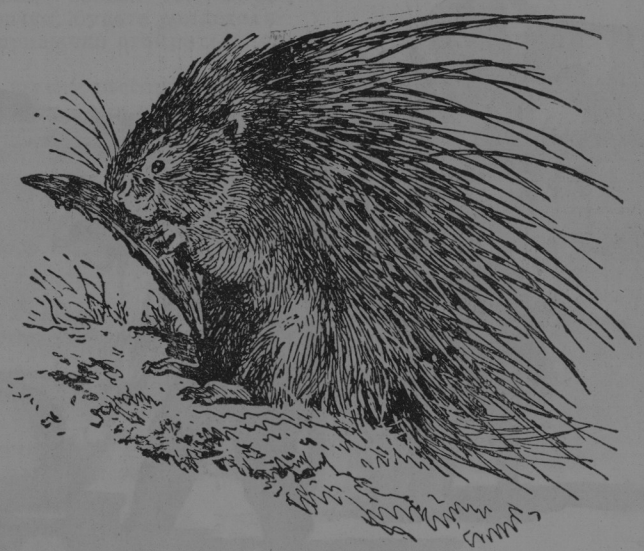
Птицы, однако, не испугались шума. Они не взлетели, а лишь потоптались на месте. Значит, в гости к нам шёл не человек, а какой-то зверь!

Немного спустя раздвинулись кусты напротив моего шалаша, и на полянке показался большой взъерошенный ком.

Ком этот гремел, словно обвешанный погремушками, и хрюкал, как поросёнок.

«Что за диво? — подумал я. — Много приходилось мне видеть разных зверей, но с таким ещё не встречался! Кабан?! Нет! Кабан большой, длинный и почти чёрный, а этот круглый и, видимо, рыжий. Камышовый кот? Нет, не похож. Кот не хрюкает, ходит он тихо, вкрадчиво, да и птицы улетели бы при его появлении. А этот зверь гремит доспехами, словно говорит притихшему ночному лесу: «Слышишь? Я иду!»

Пока я так думал, зверь вышел на ярко



освещённую лужайку, уселся на задние лапы, а передними поднёс ко рту арбузную корку и зачавкал.

Он спокойно съел одну корочку и нагнулся за другой. Это был толстый, мешковатый зверь. Когда он повернулся ко мне боком, при свете луны я увидел, как заблестели на его спине длинные иглы. Торчащая во все стороны грива поднималась и опускалась, когда он грыз корку.

Наконец-то я узнал, что это за зверь! В гербе какого-то короля был помещён такой иглошерстый толстяк с тупой, как у моржа, мордой и широко расставленными маленькими глазками. Под ним была подпись: «Вблизи и издалека я мечу свои стрелы».

Значит, верили люди, что этот зверь может бросать во врага свои острые иглы. И они, как дротик или стрела, могут сразить неприятеля наповал.

В лесу только я был сейчас врагом этого мешковатого зверя. Пусть в меня полетят его стрелы!

Я осторожно снял куртку, прыгнул что было силы и бросил куртку на зверя.

Страшный переполох поднялся в ночных джунглях! Птицы зацокали, ударили крыльями по ветвям и скрылись. Зверь сбросил куртку, сердито топнул задними ногами, ощетинился, как куст шиповника, лязгнул толстым хвостом, как цепью, перевернулся через голову и ускакал!

Я поднял куртку и нашёл в ней длинную стрелу.

При свете спички можно было рассмотреть её белое, как в пёрышке у гуся, основание, буровато-чёрный кончик и поперечные тёмные кольца.

Игла была длинная, в два карандаша, и в кармане не умещалась. Я понёс её в руках, как богатый и редкий трофей.

— Видите, как интересно быть следопытом в наших джунглях,— сказал директор совхоза «Красное знамя» Пётр Пименович Антонов, у которого я остановился на ночлег. — Вот вам и вставочка для ручки. Глядишь, когда-нибудь и напишете ею рассказ о первой встрече с дикобразом в лесах Туркмении...

Так я и сделал.

ДОМ НА ГОРЕ

(Окончание)

А. Мусатов

Рисунки П. Баренова

ПОКЛОН ЗЕМЛЕ

Весь день Галина Кораблёва работала с девочками на полевом току. Здесь было, пожалуй, самое весёлое и оживлённое место в поле. То и дело от комбайнов и молотилок подъезжали подводы с зерном, и на току всё выше и выше поднимался золотой пшеничный курган.

Вокруг него квохтали, словно сердитые клуши, сортировки и веялки. Колхозники зачерпывали зерно, точно воду из пруда, и высыпали его в горловины прожорливых машин.

Галина давно уже не видела такого обилия хлеба. Вместе с девочками она помогала колхозникам перелопачивать пшеницу, чтобы та скорее просохла на солнце, крутила ручку веялки, насыпала зерно в мешки.

Потом к току подходили зелёные трёхтонки, доверху нагружались очищенной пшеницей и увозили её в колхозные амбары и на элеватор.

— Пошёл, поехал наш хлебушек! — с нежностью провожали колхозники гружёные машины.

Витя Кораблёв тоже был на току. Чувствуя, что Варя недовольна им, он трудился на совесть. По получасу, не сменяясь, крутил ручку веялки.

Вечером, когда все расходились по домам, к Галине подбежала Варя с подругами и шепнула:

— Пойдёмте завтра снопы вязать!

— Снопы?

— Марина сказывала, вы когда-то рекорд по вязке снопов держали.

— Было дело. Давно только...

— А попробуйте повторить, Галина Никитична. И нас возьмите с собой. Мы вам перевясла будем готовить.

Галина только засмеялась: куда ей теперь с белыми да мягкими, без единой мозоли руками. Но девочки смотрели так умоляюще, что она заколебалась.

— Подумаю. Утро вечера мудренее.

— Да вы что? — обрушился Витя на девочек, когда Галина ушла домой. — Подружку нашли? Ведь сестра — как-никак учительница. Институт окончила, диплом имеет. Нужны ей ваши снопы, как прошлогодний снег!

— Что же тут зазорного? — удивилась Варя. — Вон Фёдор Семёнович — тоже учитель, а всё умеет делать. Видели, как он сегодня жатку исправил?

— Фёдор Семёнович — не пример... Он наполовину учитель, а наполовину колхозник. А для всех преподавателей это необязательно, — и Витя пространно принялся рассуждать о том, каким, по его мнению, должен быть настоящий учитель: степенным, солидным, как вот, пожалуй, Илья Васильевич, преподаватель географии.

— А Фёдор Семёнович, значит, не настоящий? — насторожилась Варя.

— Я этого не говорил,— сбавил тон Витя.

— А я говорю... Девочки, будьте свидетелями!.. У Вити вечная привычка отпираться от своих слов!..

И они, верно, не на шутку поссорились бы, если бы не Катя Прахова.

— Ну что ты, Варя!.. Витя просто не так выразился. Я вот Фёдора Семёновича люблю, но и Илья Васильевич хороший. Он добрый...

— Сама ты хороша! — отмахнулась Варя.— А кого любишь по-настоящему, не знаешь.

Витя с благодарностью посмотрел на Катю. Удар был смягчён. Теперь Варя весь свой запал перенесла на подругу.

Вернувшись домой, Галина перед сном зашла к матери посоветоваться насчёт вязки снопов.

— Поклонись земле, дочка, поклонись пониже — и она тебе поклонится! — обрадовалась мать.

Утром, надев матерчатые нарукавники, Галина вышла в поле и присоединилась к вязальщицам снопов.

— Здравствуй, Галочка, здравствуй, умница наша! — приветствовала её Анисья Епифанцева, строгая, живая старуха с крупной чёрной родинкой между бровей.— Где не летаешь, а всё к родному гнезду тянет!..

— Какая она теперь Галочка! — остановила бабку подошедшая Марина.— Галина Никитична учительница. Наших ребятишек скоро учить будет...

До полудня Галина вязала снопы вместе с другими колхозницами. А после обеда она позвала с собой девочек.

— На рекорд пойдёте? — обрадованно спросила Варя.

— До рекорда далеко, тренировка нужна.— Галина послала Варю вперёд вязать перевясла, Катю Прахову с подругой заставила оправлять валки сжатой пшеницы, а сама пошла следом за девочками. Взяла первый валок, как поясом обхватила его перевяслом, туго стянула концы, завязала их — и сноп готов. Положила его, а рука уже потянулась к новому валку. Ни одного лишнего движения, ни одного ненужного поворота.

Горят от сухой колючей соломы ладони, раскраснелись щёки, покалывает плечо забравшийся под кофточку остистый колосок, но нельзя остановиться, нельзя нарушить размеренный, рассчитанный темп работы.

А кругом уже собрались люди. Подошли Горелов, Марина. Фёдор Семёнович, разогнули спины и любуются движениями Галины другие вязальщицы.

Точно по сигналу, со всех сторон сбежались школьники. То и дело слышались восторженные ребячьи восклицания:

— Вот это даёт жару!

— Скоростной метод показывает!

— Это наша новая учительница,— доверительно сообщил Марине Петька.

— По ботанике и зоологии,— добавил Колька.— Строгая!

— Да что вы говорите! — деланно удивилась Марина.— А я и не знала.

Костя с Пашей тоже на минутку прибежали посмотреть скоростную вязку.

— А лихо, Паша! Четыре секунды — сноп, четыре секунды — сноп. Сколько это она до вечера навяжет? Тысячи!

— Правильный человек,— согласился Паша.

— Эх, Варька её режет! — сокрушённо вскрикнул Костя, заметив, как у Галины в руках оборвалось перевясло; он схватил концы оборванного соломенного жгута и выразительно потряс им над головой: — С перекрутом вить надо! С перекрутом!

Варя кивнула головой, взяла прядь пшеницы и, разделив её пополам, стала тщательно переплетать стебли: такое перевясло, с перекрутом, уже не порвётся.

До вечера Галина навязала столько снопов, что Горелов при всех колхозниках пожал ей руку и приказал учётчику записать на её имя три с половиной трудодня.

— Что вы, Степан Петрович! — опешила Галина.— Зачем мне трудодни? Я же себя проверить хотела.

Усталая, со сладкой болью во всём теле, она возвращалась домой. Около конторы колхоза её встретил Фёдор Семёнович:

— Поздравляю, Галина Никитична! Пробный урок проведён неплохо.

— Какой урок? — не поняла Галина.

— По вязке снопов! Ребята пленены твоим мастерством. Ведь у нашего брата, учителя, что ни шаг, то живой урок. В поле появился учитель, по улице прошёл, в дом к кому заглянул, а дети за ним во сто глаз следят, каждый жест ловят, каждое слово впитывают. Школа — она не только в классе, за партой, она повсюду!

НА СТРЕМНИНУ

Две недели шла уборочная страда. За это время Марина воочию убедилась, с каким подъёмом трудились ребята в поле, как рвались они к большому, серьёзному делу, и в тот день, когда все хлеба были убраны, сама заговорила с Костей.

— И хитёр ты, Костюша! Тишком, шажком, а в работу включился. Кем же мне считать вас теперь: членами бригады или так, сбоку?

У мальчиков заколотилось сердце:

— Зачем сбоку? Вы нас зачислите, как положено. Ведь вам люди нужны.

— А ты уж и про это разведал? — покачала головой Марина: — Ну что ж с тобой поделаешь? Приводи приятелей вечером в правление, потолкуем...

Немало интересных мест есть в колхозе Высоково, где так любят в предвечерний час собираться ребята. Но, пожалуй, нет места притягательнее, чем правление колхоза, особенно же в такие дни, когда только что закончен сев, или скошены луга, или обмолочен последний сноп пшеницы.

В ожидании собрания колхозники сидят на брёвнах перед правлением, мирно беседуют о недавних горячих днях, а ребята гадают и спорят, чья бригада получит переходящее Красное знамя.

Но сегодня была и ещё одна причина, почему почти все высоковские ребята собрались к конторе колхоза: четвёрку Кости Ручьёва будут принимать в члены бригады Марины Балашовой.

Костя сразу увидел поджидавших его приятелей. Они стояли на высоком крыльце правления, окружённые тесным кольцом школьников, и слушали разглагольствования Алёши Прахова.

Костя окинул приятелей изучающим взглядом и остался доволен их видом. Только Алёше пришлось ткнуть в живот пальцем и заставить его затянуть ремень на последнюю дырочку.

Школьников между тем всё прибывало.

Подъехал на велосипеде Витя Кораблёв. Подошла Варя с подругами и, о чём-то пошептавшись с Митей Епифанцевым и Витей, поманила Костю пальцем.

— Ты с Фёдором Семёновичем говорил? — вполголоса спросила она.

— А о чём говорить?

— Ну, обо всём... о бригаде, о школе.

— Он, поди, и так всё знает.

— Погоди, погоди! Значит, не говорил?.. — девочка изумлённо отступила назад.

Ведь с какими только радостями и бедами, замыслами и начинаниями не бегали к Фёдору Семёновичу, порой с самыми маленькими и смешными, и всегда учитель кровно принимал всё к сердцу. Как же сейчас можно было не посоветоваться с ним?!.

— Да он кто нам, Фёдор Семёнович — учитель или дядька чужой? Разве без него можно? — насупилась Варя и вдруг схватила Костю за руку. — Сейчас же пойдём к нему!

От такого натиска Костя смешался. Что греха таить, он за эти дни так и не осмелился поговорить с учителем о самом главном.

— Что же ты, в землю врос? — Варя заметила нерешительность мальчика. — Всё тайком хочешь обделать? Прячешься от учителя!

— Я? Прячусь?! — Костя смерил Варю взглядом и решительно разрубил рукой воздух: — Пошли! Фёдор Семёнович поймёт! Не вам чета!

Но не успел он отойти и пяти шагов, как раздался голос Алёши:

— Ручей, в правление зовут... Пошли!

Костя оглянулся, заметил, как один за другим исчезли за дверью его приятели, и пробормотав: «Эх, была не была!» — бросился за ними следом.

Школьники в растерянности остановились.

— Теперь незачем и к учителю ходить! — заметил Митя.

— Нет, нет, Фёдора Семёновича обязательно предупредить надо! — сказала Варя. — Съезди на велосипеде, Витя.

В кабинете председателя колхоза сидели Горелов, Сергей Ручьёв и Марина.

Заметив Костю с приятелями, Марина кивнула им и подозвала к столу.

— Полюбуйтесь, Степан Петрович! Как на парад разоделись! А за усердие на уборке их бы поощрить не мешало...

— За этим дело не станет, — согласился Горелов. — Сам видел, работали хорошо...

— У меня, Степан Петрович, ещё просьба есть. Сами знаете, работы моей бригаде прибывает, а с людьми туго... Вот и прошу пополнения.

— Из каких же резервов?

— Да вот они, резервы!

— Этим резервам ещё в школу с книжками бегать да за партой сидеть. Запас второй очереди, так сказать...

— Это само собой, — согласилась Марина. — Зимой пусть учатся, а летом ко мне в бригаду...

— Марина! Что ты говоришь! — неожиданно раздался шёпот. — Они же больше не хотят учиться! Совсем не хотят!

Костя быстро оглянулся. Перегнувшись с улицы через подоконник, Варя тянула сестру за рукав. За её спиной толпились школьники.

Сергей посмотрел на Варю.

— Кто не хочет учиться? Почему?

— А вот они... Костя первый... — торопливо заговорила девочка. — Он и других подбил. Они клятву дали: «Полный вперёд!».

— Стоп, стоп! Ну-ка влезай сюда, докладывай, — Горелов поднялся и помог Варе взобраться на подоконник. — А Фёдор Семёнович знает об этой четвёрке?

— Никому они ничего не сказали. Ни учителю, ни дома. Всё по секрету делают...

— То есть как это по секрету? — удивился Горелов. — Да у нас что: колхоз или нет? В колхозе ничего по секрету не делается, всё на виду... — и он обратился к старшему Ручьёву: — Ты что ж, Сергей? Разрешил брату со школой покончить, а ни я, ни учитель ничего не знаем.

— Знать ничего не знаю! — опешил Сергей и посмотрел на Костю. — Та-ак! Семь классов одолел, так со мной уже и поговорить не о чем?

В довершение ко всему в кабинет председателя, держа Кольку за руку, шумно ввалился дед Новосёлов.

— Ага! Вас-то мне и надо! — оглядел он Костю с приятелями и обратился к Горелову: — Степан Петрович! Ставь вопрос на правлении!

— Какой вопрос?

— Да кровный вопрос, государственный! О ребятишках наших. Иду сейчас, а Колька навстречу бежит. И плачет горючими слезами. «Кто, — спрашиваю, — обидел?» А он на брата жалуется: школу тот бросил, трудодни зарабатывать желает.

— Не надо мне сапог с калошами! — всхлипнул Колька. — Я и в старых прохожу! Только мысочки поставить да латочки!

— Заметь, Степан Петрович,— продолжал Новосёлов,— Ручьёв тут не один. Компания у него. Вот и мой внук с ним в сговоре,— старик поманил к себе внука.— Иди сюда, посмотри мне в глаза...

— А я-то думала, всё ладно идёт, по-хорошему, — покачала головой Марина. — Нет, тут нам, видно, без Фёдора Семёновича не разобраться.

— Фёдор Семёнович поймёт,— горячо заговорил Костя, чувствуя, что все надежды его рушатся.— Ведь он тому и учил нас. Подрастёте, говорит, силу в руках почуете, за дело беритесь. За большое дело. Ничего не страшитесь. В кустиках не хоронитесь, на бережку не отсиживайтесь, на стремнину выплывайте...

— Кто пришёл-то! Смотри! — шепнул сзади Алёша.

Костя оглянулся и замер. В дверях правления стояли Фёдор Семёнович и Галина Кораблёва.

— Говори, говори, — кивнул учитель. — Умные речи приятно слушать.

Но Костя потупил голову и принялся одёргивать рубашку, уже и без того туго перехваченную ремешком.

— Видали, Фёдор Семёнович? — озадаченно развёл руками Горелов, кивая на ребят: — На стремнину плыть собрались. Полный вперёд!

— Это хорошо, что на стремнину! У меня сердце радуется,— значит, не зря в школе сижу, научил ребят кое-чему.

— Вам, конечно, виднее,— сдержанно заметил председатель.— А только выходит, что в школе у вас для ребят мелкое плавание?

— Пожалуй, что доля правды в ваших словах есть,— согласился Фёдор Семёнович, подходя к столу.

— Какую десятилетку вымахали, ничего не пожалели, а ребятишки, значит, не льнут к ней, в сторону заглядывают! — с обидой сказал Горелов.— Нет, Фёдор Семёнович, так не годится. Надо каждого родителя вызвать да внушить: пусть до конца детей учат, коль такое счастье в жизни выпало.

— Обязать родителей — это нетрудно, — учитель присел к столу, словно собрался начать урок. — А дальше что? Придёт вот такой, как Костя Ручьёв, в класс, сядет за парту, а сам глазом на окно косит. А за окном жизнь кипит. Трактор прошёл, новые сеялки в колхоз привезли, монтёры провода от электростанции к избам тянут, в амбаре семена яровизируют — и всё-то ему интересно, всё хочется знать...

— А вы, учителя, шумните при случае. Пусть ребятишки не очень-то в окна заглядывают,— сказал дед Новосёлов.

— Не в этом дело, Тимофей Иванович, ребятишки же ваши, колхозные сыны и дочери. И всё им кровно близко и дорого, что вы, взрослые, на земле делаете. Этому только радоваться нужно, что каждое ваше дело им так в душу западает.

— Что-то издалека вы подходите, Фёдор Семёнович. К чему бы это? — недоумевая, спросил Горелов.

— А я к тому... Надо нам вместе детей-то учить. И школе и вам, колхозникам.

Горелов потрогал свои густые, картинные усы и лукаво подмигнул ребятам:

— Здравствуйте, дети! Я ваш новый учитель. Достали ручки, раскрыли тетрадочки...

— Я без шуток, Степан Петрович,— сказал учитель.— Вот придите к нам в школу как-нибудь да расскажите ребятам, как вы с комсомольских лет родной колхоз строите, как

вас кулаки собаками травили, как вы за время войны с женщинами да ребятишками чудеса на полях делали. Ученикам это только на пользу пойдёт. Или ты, Мариша...

— И я в учительницы?..— опешив, приподнялась Балашова.

— А тебе первое место. Уж и так целую группу вокруг себя собрала. Вот они, твои ученики,— Фёдор Семёнович показал на Костю с приятелями.— Слышал я твои уроки в поле... Чем ты не учительница?

— Какие там уроки? — ещё больше смутилась Марина.— Просто так разговаривала при случае...

— А ребят от тебя силой не оторвёшь! Значит, есть о чём рассказать.

Учитель поднялся и показал на Галину:

— Наша новая преподавательница биологии, Галина Никитична. Прошу любить и жаловать!

— Да мы уж давно знакомы,— улыбнулась Марина.

— Вот мы с ней и подумали,— продолжал Фёдор Семёнович,— раз сами ребята к земле да к большому делу рвутся, препятствовать им нельзя. Не лучше ли создать при школе кружок по изучению сельского хозяйства?

— Кружок?—вырвалось у Кости, он давно придвинулся поближе к Фёдору Семёновичу и не сводил с него глаз.—Так это опять опыты на грядках, то, сё. А мы в поле работать желаем, по-настоящему.

— Вы и будете в поле. Правление выделит вам несколько гектаров земли, а Марину мы попросим взять вас под своё начало. Словом, организуем при школе вроде бригады юных мастеров высоких урожаев,— Фёдор Семёнович подробно рассказал, как живут и работают такие бригады в других сельских школах: школьники изучают передовую агротехнику, опыт мастеров сельского хозяйства и сами проводят все полевые работы.

Костю бросило в жар, он расстегнул тугой воротник рубашки и переглянулся с приятелями. А это, пожалуй, здорово придумано — не порывать со школой и работать в поле.

— Фёдор Семёнович,— вполголоса спросил он.— А кто в этом звене будет?

— Я думаю, могут войти все желающие,— ответил учитель.— Кто, конечно, к земле тянется да работы не боится. Пусть так и примыкают к твоей четвёрке.

— А что мы сеять в поле будем? Рожь, пшеницу, просо?

— Это уж пусть ваша наставница, Марина, решает,— улыбнулся учитель.

Горелов захватил в кулак пышный ус, как видно, все эти разговоры пришлись ему по душе.

— Значит, вроде колхозной академии при школе создаём. Добрая мысль! А ты, Марина, у нас теперь в новом звании будешь. За кадры отвечаешь!

— Вот уж, право, не знаю...— бригадиру, как и Косте, было жарко, и она энергично обмахивалась газетой.— Как снег на голову! Да станут ли ребятишки слушаться меня?

— Это кто? Члены звена! — вскинул голову Костя.—Дисциплинка вот будет!..—и он так грозно посмотрел на Алёшу, который щекотал соломинкой шею Кивачёву, что тот действительно вытянулся в струну.

— Школу мы, конечно, поддержим,— поднялась Марина.—Но я так скажу... Замечу, что ребята от ученья сторонятся, уйду от них. Вот за этим столом говорю... перед всем честным народом отрекусь, всю дружбу поломаю!

— А разговор-то получился серьёзный,— обратился Фёдор Семёнович к Косте с приятелями.— Как видите, вам теперь за ученье ответ держать придётся не только перед учителями... Подумайте, ребята!..

Костя посмотрел на своих дружков. Вот она, редкая и такая дорогая минута: все взрослые смотрят на них и ждут, что же они ответят.

Костя вспыхнул:

— Будем учиться! Вот увидите!..

— Хороша речь! Коротковата, но с весом,— усмехнулся дед Новосёлов и торжественно погрозил пальцем всей четвёрке:—Вы, козыри, этот час крепко зарубите на память. Всему колхозу обещание дали. А давши слово, держись!

У РОДНИКА

Было уже поздно, но Костя не спешил домой. За день произошли такие события, что обязательно надо было поговорить наедине с учителем. Но Фёдор Семёнович всё ещё сидел на брёвнах и беседовал с колхозниками. Речь шла о ремонте школы, о достройке электростанции, о каком-то новом сорте семян, за которыми надо немедленно поехать на селекционную станцию.

Костя стоял поодаль и немного досадовал, что взрослые так не во-время захватили учителя.

Наконец Фёдор Семёнович направился к дому. И опять он был не один. Колхозники шагали рядом с ним: кому было по пути, кому требовалось ещё о чём-нибудь переговорить с учителем.

Но вот, пожелав Фёдору Семёновичу спокойной ночи, они один за другим свернули к своим избам и вскоре с учителем остался один Сергей Ручьёв.

— Видел, Серёжа, как получается? — негромко сказал Фёдор Семёнович.— Комсомолом ты неплохо руководишь, каждого комсомольца знаешь. А вот что у родного брата в голове, тебе и невдомёк! А ведь ты в ответе за братьев...

— Да-а...— вздохнул Сергей.— Урок я сегодня получил хороший. Придётся подумать!

Они остановились около дома Ручьёвых.

— И ты по следу идёшь,— Сергей заметил брата.—Ну, что ж, давай прощаться с Фёдором Семёновичем...

— Я провожу немного... до моста.

И учитель, угадав, как мальчику важно побыть с ним наедине, не отослал его домой, не напомнил про поздний час, хотя обильная роса уже лежала на траве и спелые звёзды густо обсыпали небо.

— Обязательно до моста, — усмехнулся он.— А вдруг со мной что случится без провожатого?

Учитель и Костя миновали околицу деревни, пересекли скошенный луг и остановились на мосту через Чернушку.

Сдержанно плескалась река, в тёмных, таинственных кустах что-то слабо потрескивало, и вся земля, уставшая за день, казалось,

мерно вздыхала перед тем, как забыться до утра крепким, здоровым сном труженика.

— Да,— задумчиво сказал Фёдор Семёнович,— школу пройти, что реку переплыть. А уж как переплыл, далеко человек шагать будет. А ты, Костя, значит, бережком решил шагать. Зачем, мол, мне на тот берег, хватит и этого!

Костя опустил голову и крепко схватился за перила моста.

— Фёдор Семёнович, да я же!..

— Не в осуждение говорю... Я к тому, чтобы ты на цель, на огонёк твёрдо шёл...

Кто-то затопал по бревенчатому настилу моста. Костя с учителем оглянулись. Из темноты вынырнула Варя.

— Ой, а я думала, не нагоню вас! — девочка перевела дыхание.— Фёдор Семёнович, вы знаете... Мы тоже решили в урожайное звено записаться. Можно?

— Об этом надо инициативную группу спросить,— ответил учитель.

— Кто это «мы»?— настороженно спросил Костя.

— Я вот, Катя Прахова, Митя Епифанцев, думаю, что и Витя Кораблёв запишется.

— Кораблёв?!

— Ну да! Что ты удивляешься? Он ведь умеет работать.

— Нет, я ничего,— неопределённо буркнул Костя.

— Ну вот и договаривайтесь,— сказал учитель.— На днях собрание соберём. А я пойду... Не провожайте дальше.

Распрощавшись, Фёдор Семёнович исчез в темноте. В ту же минуту Костя свернул с дороги на тропинку.

— Ты куда? — окликнула его Варя.

— К роднику! Пить охота,— сказал мальчик, хотя ещё и сам твёрдо не знал, почему его потянуло к родничку у Школьной горы, потому ли, что день выдался жаркий и Косте действительно захотелось пить или потому, что он был в большой обиде на Варю и не хотел идти с ней.

— Ой и мне пить хочется! — Варя зашагала рядом.

Но разговор не вязался. Подошли к родничку. Почти невидимый в темноте, он журчал, звенел и не хотел засыпать.

Костя пошарил в темноте берестяной стаканчик и, не найдя его, зачерпнул воду из родничка прямо ладонями. Его примеру последовала и Варя. Они так жадно пили ледяную воду, словно наперебой хотели убедить друг друга, что пришли к родничку с одним единственным желанием — пить, пить, пить!

Но, по правде сказать, жажда была совсем не велика. И Варя, пользуясь темнотой, просто зачерпывала ладошкой воду из родника и выливала её обратно. Руки у неё совсем окоченели. Но девочка чувствовала себя виноватой перед Костей, и не в её привычках было замалчивать свою вину.

— Костя, ты не сердись, пожалуйста,— наконец заговорила Варя.— Это просто глупость была...

— Я и не сержусь,— небрежно сказал мальчик, затем не без торжества добавил: — Когда руку отсекать будем?

— Кому?

— А Кораблёву... Помнишь наш спор?

— Так никто ж не выиграл! — горячо возразила Варя. — Ни ты, ни Витя.

— Как это не выиграл? Я сказал: «Будет урожайное звено» — оно и будет.

— Так при школе же звено... учебное...

Но Костя не настроен был сдаваться:

— И ещё я говорил: «Поймёт Фёдор Семёнович». Вот он и понял меня.

— Понять-то понял, а сделал по-своему...

— Не только по-своему. Знал бы я заранее, что звено в школе будет, зачем мне такой огород городить! Значит, и по-моему вышло.

— Он всегда так, Фёдор Семёнович. Мы вот рвёмся куда-то, лезем, стучимся, а дверь всё закрыта и закрыта. А учитель пороется в карманах, найдёт какой-нибудь нужный ключик — и сразу дверь нараспашку: входи свободно!

— Это пожалуй!— примирённо согласился мальчик.

Варя, подняв голову, долго смотрела на тёплый огонёк, что светился в окне квартиры учителя, потом задумчиво сказала: — А ты это здорово перед всем собранием сказал: «Будем учиться... вот увидите!» Теперь забот у тебя сразу прибавится.

— Каких забот?

— А как же! И Пашу Кивачёва надо будет вытягивать и Прахова... Ты же за всех обещание дал, за всё ядро.

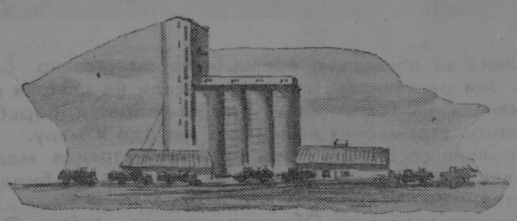
— А ведь и правда... за всех,— несколько растерянно произнёс Костя, только сейчас во всей глубине осознав то, что произошло на собрании.

— Это ничего,— успокоила Варя,— звено у нас большое будет. Ты в комсомол вступишь. Вытянем ребят...

— Надо вытянуть.

— Как это у вас там — на «катере» принято говорить: «Полный вперёд!».

— Полный вперёд!— повторил Костя.



«МЫ БОРЕМСЯ ЗА МИР...»

Письмо пионеров французской зоны оккупации Германии к советским друзьям

Дорогие друзья!

Мы очень хотим дружить с советскими пионерами. Советская молодёжь для нас — великий образец в борьбе за мир. Пионерское движение Германии ещё очень молодо. 13 декабря 1949 года мы отпраздновали первую годовщину нашей организации. Наш пионерский отряд находится в Берлине-Витенау. У нас уже сорок пионеров.

Берлин всё ещё разделяется на 4 сектора. Мы живём во французском секторе. Нам нелегко работать. За то, что мы боремся за мир и за дружбу со всеми народами, за то, что считаем Советский Союз оплотом мира, нас преследуют и травят враги немецкого народа. Травят нас и в школе, а когда мы защищаемся, фашистские учителя, которых французские оккупационные власти и теперь оставили в школе учить детей, приходят в ярость и дают нам в наказание лишние задания. Из городского Дома молодёжи нас выгнали, заявив, что мы являемся «преступной организацией». Здесь тоже руководят бывшие гитлеровцы и французские оккупационные власти. Но мы твёрдо стоим за мир и германо-советскую дружбу. Все пионеры западного сектора гордо носят свой синий галстук, невзирая ни на какие оскорбления и преследования врагов. Собираться нам приходится в очень тесном помещении, которое нам предоставляет Социалистическая единая партия Германии. На наших вечерах всегда бывает очень интересно. Мы говорим о Советском Союзе, о вождях революционного движения в Германии и во всём мире и о многом другом.

В нашем отряде есть волейбольная команда и кружки шахматистов и народных танцев.

В конце мая в Берлине проходил Общегерманский слёт молодёжи, посвящённый борьбе за мир, национальную независи-

В западной зоне Берлина за последнее время было арестовано больше двухсот мальчиков и девочек за то, что они расклеивали листовки, писали на заборах и стенах домов лозунги, требующие ухода американцев из Германии и призывающие к борьбе за мир. Но аресты и террор не могут подавить стремления немецкого народа к миру.

28 мая этого года в Берлине состоялась мощная демонстрация молодых борцов за мир. Немецкая молодёжь заявила в этот день, что она не хочет и не будет воевать за интересы американских империалистов.

Этот снимок был сделан незадолго до Общегерманского слёта. Озираясь по сторонам, школьники города Гамбурга-Винтерхуде выполняют опасную работу: они пишут лозунги на асфальтированной дороге: «Немецкая молодёжь, на слёт в Берлине в Троицын день!»

С любовью изучают русский язык дети Германской демократической республики. Песни советского народа, песни советских ребят стали их любимыми песнями. Этот снимок сделан на уроке пения в одной из школ Германской демократической республики. Ребята разучивают Гимн Советского Союза на русском языке.

мость и единую демократическую Германскую республику. Этот слёт — большое событие для всей Германии. 500 тысяч немецких юношей и девушек участвовали в демонстрации в защиту мира.

Мы назвали свой отряд «Штурмфогель» («Буревестник»). Мы хотим быть похожими на горьковского буревестника, который не боялся приближающейся бури, стремился ей навстречу и видел своё счастье в борьбе. Так и наша группа «Буревестник» под руководством наших вожатых из Союза свободной немецкой молодёжи борется со своими преследователями.

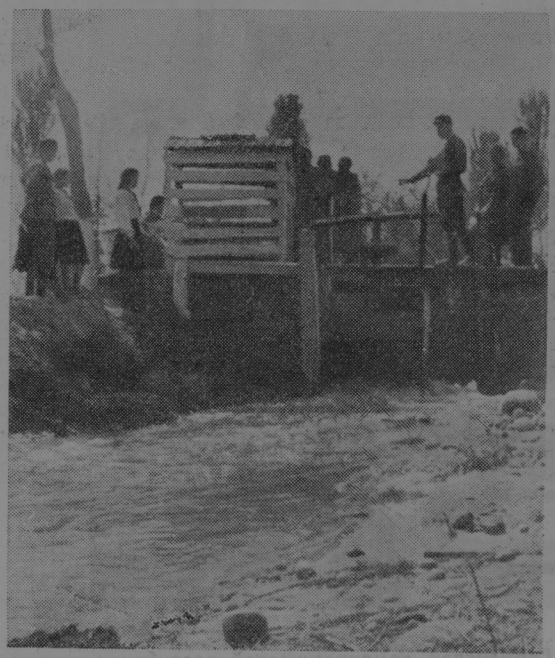
Дружба между советскими и немецкими пионерами будет крепкой, её не удастся разорвать никаким поджигателям войны.

Да будет постоянный мир во всём мире!

Будьте готовы!

Пионерский отряд «Буревестник» («Штурмфогель»).

Дети трудящихся Германии, как и дети всех стран, не хотят войны. Они активно борются за мир вместе со старшими. На этом снимке вы видите немецких пионеров, участников одной из недавних демонстраций трудящихся Берлина. Ребята несут плакат с надписью: «Юные пионеры борются за мир».



КАК РЕБЯТА ЗАПРЯГЛИ РУЧЕЙ

С. Юрьев

Дедушка Мухажир стоял на склоне бугра, смотрел вдаль и удивлялся.

Внизу зеленели луга, а среди лугов от горизонта до горизонта тянулась широкая, метров в двести или триста, полоса, сплошь состоящая из валунов и гальки. Пересечь эту каменную полосу нелегко. В одном месте нужно перепрыгнуть через маленький ручеёк, в другом перейти по узкому брёвнышку ручей пошире. Дальше течёт уже настоящая речка, неглубокая, но быстрая, с ледяной водой, затем снова ручьи и маленькие речонки. Все они текут в одном направлении, и все они составляют одну реку Черек. Она бежит с гор.

Жители кабардинского селения Нижний Черек родились и выросли под неумолчный шум быстрой воды. Все эти ручьи и речонки были для них до сих пор самым обыденным, совсем неинтересным явлением. А вот теперь дедушка Мухажир видел школьников, которые группами и в одиночку расхаживали от ручья к ручью, о чём-то горячо спорили и, как видно, были так заинтересованы водой, словно она появилась здесь только сегодня.

Дедушка спустился по склону бугра и направился к ребятам.

Тут были и семиклассники, и шестиклассники, и ученики четвёртых и пятых классов. Одни из них измеряли палками глубину ручья, другие бросали в воду щепочки и зачем-то вслух отсчитывали секунды. Здесь же были директор школы Пётр Хазешович Хапов и преподаватель физики Константин Габоевич Дзуцев. Они не меньше учеников интересовались этим на вид ничем не замечательным ручьём.

Дедушка шутливо спросил ребят:

— Золото нашли?

— Совсем не золото,— ответила, стоя по колени в ручье, пятиклассница Милхан Ханцева. — Электростанцию будем строить.

Милхан не шутила. Недавно учитель физики пришёл к семиклассникам и предложил построить маленькую гидроэлектростанцию.

— Вы знаете, ребята, какую огромную роль играет в нашей стране электричество,— сказал он.— Скоро у нас не только города, но и все сёла будут электрифицированы. Будет электричество и в Нижнем Череке. Но зачем нам ждать? Давайте теперь же заставим ручей освещать нашу школу.

Ребята оторопели:

— Как же мы будем строить, когда мы электричество ещё не проходили?

Но учителя поддержал директор:

— А мы считаем, что справиться можно, если только вы сильно захотите. Константин Габоевич уже привёз из города маленькую динамомашину. Вы, семиклассники, скоро будете изучать электричество в классе. Это поможет вам в строительстве станции. А если мы построим станцию, то вы так хорошо изучите электричество, как никогда бы не изучили его только в школе.

Долго уговаривать семиклассников не пришлось. На следующий день на общешкольном собрании они уже произносили пламенные речи, призывая всех ребят принять участие в строительстве.

* * *

Где, на каком ручье ставить станцию,— вот первый вопрос, который возник перед строителями. Надо было выбрать такой ручей, у которого хватило бы силы вертеть с достаточной скоростью динамо и который вместе с тем был бы не очень далеко от школы. Приходилось тут же, на реке, решать задачи по физике.

— Мощность нашего генератора,— говорил Константин Габоевич,— триста тридцать ватт. Будем считать, что это примерно равняется мощности в $\frac{2}{3}$ лошадиной силы. Чему равна одна лошадиная сила, Хазрид?

— Семидесяти пяти килограммометрам в секунду, Константин Габоевич.

— Правильно! Значит, сколько воды должно падать на нашу турбину в одну секунду, если высота плотины у нас будет равна одному метру?

Подняв к синему небу загорелые лица, будущие строители несколько секунд молча шевелили губами.

— Тридцать килограммов!

— Тридцать литров!

— Так! Надо ещё учесть все возможные потери. Возьмём с запасом. Будем искать такой ручей, который давал бы нам 50 литров в секунду.

Строители измеряли глубину ручьёв, скорость течения, осматривали берега и пришли к довольно грустному заключению: ручьи, которые удовлетворяли бы всем предъявляемым к ним требованиям, текли слишком далеко от школы. Ближе всех подходил к ней совсем маленький ручеёк. Но в нём и воды не хватало, чтобы вертеть ротор динамо, и берега были низкие для строительства плотины.

Сильное течение часто размывает перемычки, направляющие воду к станции. Ребята их ремонтируют.

— Попробуем всё-таки обследовать этот маленький ручеёк,— сказал Константин Габоевич. — Может быть, нам удастся как-нибудь его исправить.

Вместе с учителем ребята отправились вверх по течению ручья.

Метрах в семистах от селения ручеёк ответвлялся от довольно большого ручья, а дальше, в свою очередь, делился на несколько маленьких потоков.

— Ну! Догадываетесь, как можно помочь делу? — спросил Константин Габоевич.

— Догадываемся! — закричали повеселевшие строители.— Запрудить большой ручей и пустить его воду в наш, маленький.

— И ещё запрудить другие ручейки, которые вытекают из нашего.

— Правильно, — ответил Константин Габоевич.— А как же быть с берегами?

Озадаченные ребята молчали. Берега у ручья были низкие.

— Придётся сделать искусственные берега. Перед плотиной, по обе стороны ручья, сделаем насыпи длиной метров в пятьдесят, а ниже плотины углубим дно, чтобы у нас получилось нечто вроде маленького водопада. Согласны?

— Константин Габоевич! Хоть в двести метров насыпь сделаем!

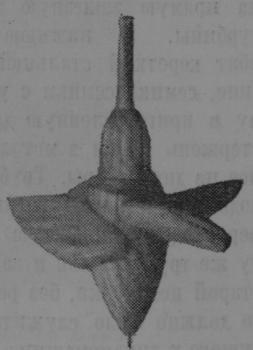
— Вы только скажите, как её делать! — послышались со всех сторон голоса.

* * *

Из школьной библиотеки были разобраны все книги, в которых говорилось об электротехнике, об использовании энергии воды. Многие ребята из шестых классов в свободное от уроков время изучали по учебнику физики раздел об электричестве, входящий, как известно, в программу седьмого класса. Учился и сам Константин Габоевич. По вечерам он долго сидел за книгой, в которой рассказывалось о том, как построить сельскую гидроэлектростанцию, как сделать для неё турбину.

Вскоре он принялся за кропотливую, требующую большой точности работу. Вручную, с помощью долота, молотка и других простейших инструментов он сделал из большого чурбана, отпиленного от ствола акации, ротор турбины. Из тутового дерева, которое не трескается при обработке, он выточил четыре лопатки и укрепил их на роторе под углом в сорок пять градусов. Получилось нечто похожее на массивный пропеллер или на пароходный винт диаметром около сорока сантиметров. Турбина была готова.

И вот на следующий день, после окончания занятий в школе, колхозники увидели на берегу ручья красное знамя пионерской дружины. Возле него стояли на часах два пионера, а вокруг трудились над постройкой плотины ребята, вооружённые лопатами, кирками, носилками.



Это модель той турбины, которая установлена на школьной гидроэлектростанции.

Работы велись скоростными методами: один отряд под руководством преподавателя физкультуры строил пятидесятиметровую насыпь по обе стороны ручья, дру-

Гос. Публичная библиотека Ленинград

гой углублял дно. Труд был не лёгкий, приходилось руками выворачивать большие валуны, разбивать кирками каменистый грунт, перебрасывать лопатами тонны земли и камней, но ребята сменяли друг друга. Работала вся школа.

Семиклассники во главе с Константином Габоевичем занимались самым ответственным делом. Они притащили на берег большую кучу хвороста и кольев. Колья крепко вбили двумя рядами в русло. Между рядами кольев ребята построили очень прочный ящик, одна из стенок которого имела внизу квадратное отверстие. В этом ящике должна была помещаться турбина. Затем строители оплели колья толстыми, но гибкими прутьями, оставив свободным только то место, куда выходило отверстие ящика. Получилось как бы два перегораживающих ручей плетня, а между ними — камера для турбины. После этого ребята стали складывать между плетнями камни, а промежутки утрамбовывать землёй и дёрном. Постепенно выросла надёжная плотина. Вода могла миновать её лишь влившись сверху в ящик и выйдя через отверстие внизу, по ту сторону плотины. Справа, на краю плотины, семиклассники построили маленькую деревянную будочку — «генераторный зал». В нём с трудом мог поместиться на корточках один человек.

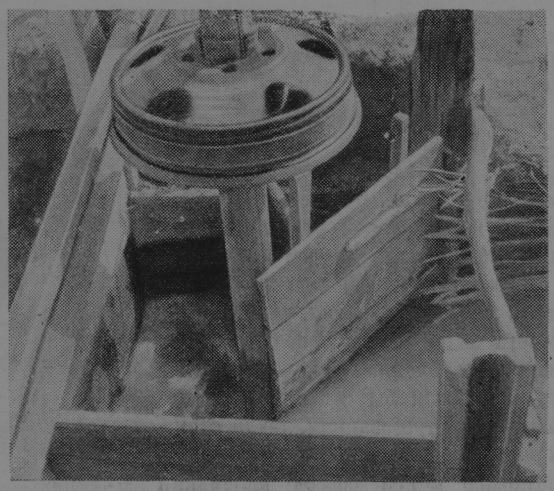
Через несколько дней Константин Габоевич объявил:

— Поздравляю славных строителей школьной ГЭС! Насыпь сделана. Плотина построена! Дно ниже плотины углублено на протяжении сорока метров. Генераторный зал построен. Остаётся установить турбину и генератор.

В тот же день по окончании уроков все ребята, начиная с первоклассников и кончая педагогами, густой толпой заполнили берега и сухое русло ручья. Пришли в обеденный перерыв и многие колхозники. Все внимательно смотрели, как учитель физики со своими ближайшими помощниками устанавливает турбину.

Массивный деревянный пропеллер был насажен на прямую железную трубу, служившую осью турбины. В нижнюю часть турбины был вбит короткий стальной стержень. Стоя на плотине, семиклассники с учителем опустили турбину в приготовленную для неё камеру. При этом стержень попал в металлическое гнездо, устроенное на дне камеры. Трубу закрепили в шариковом подшипнике от старой автомашины, вделанном в перекладину, прибитую поперёк ящика, затем на ту же трубу надели и закрепили на ней колесо от старой полуторки, без резиновой шины. Это колесо должно было служить шкивом для ремня, ведущего к динамомашине.

— Пустите воду! — скомандовал Константин Габоевич.



От автомобильного колеса, насаженного на одну ось с турбиной, идёт приводной ремень к динамо.

Несколько отрядов, вооружённых лопатами, бросились бегом к тому месту, где была устроена перемычка, отделявшая этот ручей от большого. Они быстро разрушили перемычку и тут же стали строить новую запруду, но уже на большом ручье, чтобы вода из него пошла в маленький. В то же время другие отряды торопливо строили ещё две перемычки, чтобы вся вода шла к плотине, а не уходила в боковые русла.

Возле плотины с волнением ждали ребята и взрослые. Вот на сухом каменистом дне показалась маленькая струйка. Скоро это уже был ручеёк, который с каждой секундой становился глубже и шире. Прошло несколько секунд, и вода разлилась во всю ширину русла и стала подыматься.

Выше... Выше... Вот вода достигла края ящика, в котором помещалась турбина, начала вливаться в камеру, падая на лопатки турбины. Несколько десятков ребят и взрослых, не дыша, смотрели на автомобильное колесо, насаженное на ось турбины. Оно легко повернулось и остановилось. Через секунду снова повернулось и больше уже не останавливалось. Колесо вращалось всё быстрей и быстрей. Скоро к рокоту воды в ящике примешался солидный, чуть вибрирующий гул работающей полным ходом турбины.

Это было двадцать девятого октября 1949 года. А тридцатого под вечер возле школьной ГЭС собралась ещё бо́льшая толпа. Ребята и взрослые не спускали глаз с Хазрида Хужокова, Хафана Клишева и других семиклассников, которые под руководством Константина Габоевича заканчивали установку динамомашины в деревянной будочке.

Затянуты последние болты. Константин Габоевич прикрепил к клеммам динамо провод с патро-

пом, в который была ввинчена сорокаваттная лампочка, и передал эту лампочку бледному от волнения Хазриду. Стоявший на другой стороне маленькой плотины директор школы протянул учителю конец приводного ремня, подаренного соседней МТС. Константин Габоевич надел его на шкив динамо.

— Готово? — взволнованно спросил Петр Хазешович.

— Готово! — взволнованно ответил учитель.

Директор набросил конец ремня на вращающееся автомобильное колесо. И лампочка в дрожащих руках Хазрида засияла ярким ровным светом.

— Горит! Горит! Смотрите, горит!

Люди захлопали в ладоши, девочки бросились целовать друг друга, мальчики в восторге колотили друг друга кулаками.

В ту же ночь с колхозником Мошей Хукуевым произошёл забавный случай. Он возвращался на подводе из района в Нижний Черек, но, увидев вдали электрический фонарь, решил, что сбился с дороги. Он повернул обратно и плутал в потёмках до тех пор, пока не вспомнил, что школьная ГЭС была перед его отъездом почти готова.

В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции всё селение гуляло вечером возле школьной ГЭС при свете первой в Нижнем Череке лампочки Ильича.

После праздника ребята провели свет к себе в школу. Когда понадобились столбы для электролинии, дедушка Мухажир разрешил спилить две акации в своём саду. Взамен акаций Милхан Ханцева с девочками из своего звена посадила в дедушкином саду четыре молодых фруктовых деревца.

Я недавно был в Нижнем Череке и видел школьную ГЭС. Она и сейчас работает.

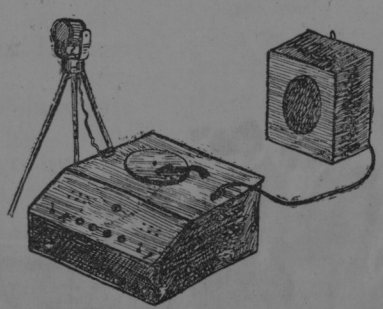
Перед весенним паводком в работе станции был перерыв. Проверив оборудование, юные строители вновь пустили её в ход.

Вот как представляют себе серпуховские юные техники ветроэлектростанцию, которая будет выстроена в селе Балкове.

ПИОНЕРСКАЯ ДРУЖБА

Для того, чтобы познакомиться с городскими ребятами, о которых здесь идёт речь, надо побывать на станции юных техников города Серпухова. Находится она в большом белом двухэтажном доме на Калужской улице.

Вот первая комната. В углу стоит большой матерчатый змей. Рядом ещё один и ещё... Из девяти таких змеев составляется целый воздушный поезд. А вот сиденье, похожее на детские санки с высокой спинкой, только без полозьев. Если прикрепить это сиденье к змейковому поезду, можно поднять на нём пассажира метров на 10—15 над землёй. Ребята из змейкового кружка часто устраивают такие «воздушные путешествия».



Такой передвижной радиоузел будет у балковской школы. Оба рисунка, которые вы видите здесь, сделала Галя Копылова.

Тут же мастерская «малой авиации». Члены авиамодельного кружка готовят к состязаниям свой воздушный флот — всевозможные модели планеров и самолётов, воздушные шары, парашюты.

Во второй комнате помещается «музей» станции. Там собраны лучшие модели, сделанные ребятами: целая флотилия яхт, шлюпок, шверботов, модели военных кораблей. Вот вырезанные искусным резцом деревянные игрушки. Коллекция электромоторчиков разных размеров соседствует с паровым двигателем. Вот десятки приборов для демонстрации опытов по физике, химии, астрономии, радиоузел, работы переплётного кружка. Плетёная мебель в комнате тоже сделана ребятами.

Но в этом музее собрано далеко не всё из того, что конструируют и строят юные техники, потому что эти ребята мастерят не только для себя, но и для общей пользы. Много самодельных приборов и наглядных пособий, построенных юными техниками, разошлось по школам. Ребята научились переплетать книги и организовали переплётные кружки в школах. Они переплели больше двух тысяч книг для городской библиотеки.

А нынешней весной серпуховские пионеры задумали новое интересное и полезное дело: они решили завязать дружбу со школьниками, живущими в селе Балкове, неподалёку от Серпухова. Они написали письмо этим ребятам:

«Дорогие ребята!

Вам пишут юные техники Серпухова. Директор нашей станции Анатолий Яков-

левич Певзнер рассказал нам про вашу школу. Сначала мы хотели послать вам в подарок какие-нибудь из наших готовых моделей. Одни ребята предлагали послать модель корабля, другие — змейки, паровую машину, детекторный радиоприёмник или ещё что-нибудь.

Но потом мы подумали, что вам будет неинтересно получать готовые подарки, да к тому же такие, которые вы сами легко можете сделать. И мы решили вместе с вами построить ветроэлектростанцию, передвижной радиоузел и метеорологическую станцию для вашего колхоза.

С помощью ветроэлектростанции вы сможете проделать много интересных опытов по физике, зарядить аккумуляторы для питания радиоприёмников, зажечь небольшие лампочки.

Передвижной радиоузел можно будет установить и в школе, и в правлении колхоза, и в сельсовете, и в клубе.

Метеорологическая станция даст вам возможность лучше изучить природу и помочь колхозу добиться высоких урожаев.

Мы посылаем вам рисунки наших художников. Вот как будут выглядеть радиоприёмник и ветроэлектростанция. Правда, здорово?

Может быть, кто-нибудь из вас спросит: «А как же работать сообща, если Балково находится в 25 километрах от Серпухова?» Очень просто! Мы так разделим работу между собой: мы изготовим для метеорологической станции гигрометр, психрометр, дождемер, флюгер и будку, а вы подготовите ровную площадку для станции, обнесёте её изгородью, сделаете мачты, столбы и подставки для приборов; для радиоузла, который изготовят наши радисты, вы сделаете антенну, проводку и другое оборудование. Точно так же мы разделим работу по изготовлению ветроэлектростанции.

Если вы согласны, напишите нам поскорее. Мы тогда вышлем вам все чертежи и условимся о том, когда и что нужно делать.

Отвечайте поскорее! И обязательно приезжайте к нам в Серпухов. А летом мы приедем к вам и вместе закончим работу.

Валерий Лякин — председатель совета старост кружков».

Вскоре прибыл ответ на это письмо от балковских школьников.

«Дорогие ребята! — писали они. — Нас очень обрадовало ваше письмо. Мы прочитали его во всех отрядах.

У нас тоже есть кружок юных техников. Некоторые из наших ребят уже давно научились строить детекторные приёмники, и нам очень хочется построить ламповый приёмник.

Ветроэлектродвигатель, который мы вместе установим, поможет произвести опыты в кружке: построить генератор незатухающих колебаний, осуществить передачу сигналов на расстояние, посмотреть работу грозоотметчика Попова, который сделали сами ребята.

Но больше всего мы мечтаем о постройке школьного радиоузла. Мы сейчас всем кружком собираем детали.

Ваша помощь, дорогие ребята, нам необходима: вы поможете скорее осуществить нашу мечту.

Мы приедем к вам и обо всём подробно договоримся. К вашему приезду летом мы подготовим площадку под метеостанцию, подвесим антенну и полностью закончим монтаж школьного радиоузла.

Приезжайте к нам!

Члены кружка юных техников: Коля Мишакин, Михаил Старков, Нина Рябова, Николай Белов, Шура Смольякова».

Сразу же после окончания занятий в школе балковские и серпуховские пионеры дружно взялись за работу. Балковцы распланировали и огородили площадку для метеостанции, подготовили столбы и мачты для приборов и ветроэлектростанции.

У серпуховцев уже готовы все приборы и оборудование, скоро они поедут в Балково и вместе с балковскими ребятами установят всё оборудование на месте.

Юные авиамоделисты поедут в Балково со своими моделями. В день пуска ветроэлектростанции и открытия передвижного радиоузла в Балкове будет устроен авиапраздник.

Но на этом дружба городских и сельских пионеров не оборвется. Они уже задумали новые интересные дела, которые осуществят вместе.

———— ☆ ————

Мальчик Радин и Стана Самовила

Болгарская народная песня

Перевела Надежда Белинович **Рисунки Ю. Кискачи**

Закричала с гор Самовила[1],
Чернокрылая чужеземка:
— Гей да гей, пастухи-болгары,
Двух детей-близнецов мне дайте,
Двух молодок мне приведите,
Двух юнаков мне пригоните,
Двух невест на горы пришлите,
Дань платите сегодня, болгары!

Собрались пастухи-болгары,
Вместе с ними мальчишка Радин.
Речь они вели с Самовилой:
— Ой ты, Стана, ой Самовила,
Чернокрылая чужеземка,
Не гони ты людей в неволю,
В чужедальние горы, дубравы,
Мы тебе предлагаем замену
За детей — двух ягнят курчавых,
Двух коров — за молодок статных,
Двух волов — за юнаков наших,
Двух телиц — за невест-красавиц!

Как услышала речь Самовила,
Так завыла, разбушевалась,
Она чёрным крылом взмахнула —
Грянул гром, гроза прилетела,
Град побил виноград и жито.
И в полон увела Самовила,
Окаянная чужеземка,
Не двоих близнецов, а сотню,
Угнала она сотню юнаков,
Сотню статных взяла молодок,
Сотню юных невест-красавиц.
Угнала за горы, дубравы...
Плач и стон на земле болгарской.
И работают на Самовилу
Все юнаки, невесты, молодки.

По приказу злой Самовилы
В полону собирают дети,
Собирают лечебные травы,
Чтоб лечить животворным зельем
Бессердечных врагов-чужестранцев.

Лишь один чернокудрый Радин,
Сын батрачки-пастушки Рады,
Не приносит трав Самовиле,

[1] Вилами и самовилами называются в болгарских сказках волшебницы. Иногда это добрые волшебницы, помогающие юнакам, борцам за свободу народа, иногда злые.

Не сбирает в дубравах зелье,
Не желает врагам исцеленья.
На мальчишку кричит Самовила:
— Чтоб ты умер, мальчишка Радин,
Ты целебных трав не приносишь!..
Почему ж ты меня не боишься?
Отвечает спокойно Радин:
— Как ты нас в полон угоняла,
Мать в слезах прощалась со мною,
Моя старая бабка рыдала,
И меня моя мать и бабка
Опоясали поясом вещим,
Из волшебной травы сплетённым.
Тот, кто носит волшебный пояс,
Не боится тебя, Самовила,
Всех врагов положит на месте!
Испугалась тогда Самовила,
В сердце бора она полетела,
Где в дупле жил учёный филин.
Он чалму носил, словно турок,
Да читал колдовские книги.
Чернокрылая Самовила,
Окаянная чужеземка,
Всё по правде ему рассказала.
И учёный столетний филин
Говорит:
— Самовила Стана,
Кто надел заколдованный пояс,
Только тот и снять его может —
Так сказали древние книги.
А кто снял заколдованный пояс,
Должен быть немедля убитым
Тем юнаком, кто хоть однажды
Этим поясом был опоясан.
Дай мальчишке Радину стадо,
Стадо белых овец тонкорунных,
Да построй золотую башню,
Рядом с нею хрустальный терем,
Подари ему виноградник,
Виноградник у синего моря,
А за это вели, чтоб на зорях
Он пошёл в родную деревню
И заставил пастушку Раду,
Мать свою молодую Раду,
Снять с него заколдованный пояс
И убил бы её стрелою!

Заплясала от радости Стана,
Чернокрылая чужеземка,
Воротилась она за горы,
Позвала к себе Радина ночью,
Тихо мальчику говорила:
— Милый Радин, сынок пастушки,
Ты хотел бы, чтоб подарила
Я тебе овец тонкорунных,
Не одну, а целое стадо,
Отдала золотую башню
И хрустальный дворец у моря,
И ещё большой виноградник?
— Да, хотел бы! — ответил Радин.
И сказала тогда Самовила:
— Всё отдам я тебе немедля,
Но за это пойди в деревню
И заставь ты пастушку Раду
Снять с тебя заколдованный пояс,
После мать ты убьёшь стрелою
И богатым навеки станешь!
Лишь заря над горой блеснула,
Самовила дала мальчишке
Лук, колчан и тугие стрелы.
Но был смелым мальчишка Радин,
Не пошёл он в свою деревню,
А вскочил он на белый камень
И прицелился он в Самовилу,
Говорит:
— Нет, я мать родную
И великую мать-свободу
Не продам ни за что на свете!
Полетела стрела, загудела,
И пронзила стрела Самовилу,
Чёрной кровью она захлебнулась
И упала на белые камни.
Сто невест, сто детей, сто юнаков,
Сто молодок домой вернулись:
Снял оковы с них мальчик Радин,
Сын батрачки-пастушки Рады.
Молвит людям мальчишка Радин:
— Пояс я носил не волшебный,
Жил я бедно и пояс этот
Сплёл из трав, что росли в дубраве.
Силу мне придавал не пояс,
А любовь к отчизне и воле.

ТОРБА С ОБМАНОМ

Болгарская народная сказка

Пересказали М. Туберовский и А. Розанов

Рисунки Ю. Кискачи

По всем турецким землям ходила слава об одном необыкновенном мудреце. Был он первым советником и своим человеком во дворце самого султана, и повелел султан объявить по всем площадям Багдада, что нет на свете мудреца-хитреца смышлёнее и находчивее его советника. Но и этой славы показалось мало гордому мудрецу. Сел он на золочёный корабль и приплыл в болгарские земли обманывать болгарский народ. Обманывал он простаков направо и налево в больших городах и в каменных палатах и пришёл наконец в то село, где жил Хитрый Пётр. С большой свитой остановился турецкий мудрец в поповом доме, сел у окошка и стал смотреть на дорогу: не пройдёт ли кто. А мимо дома как раз проходил Хитрый Пётр. Шёл он домой с пашни и насвистывал весёлую песню.

— Эй, человек! Кто ты таков? — окликнул его из окошка турецкий мудрец.

— А я таков человек, — отвечал ему Хитрый Пётр,— что тебе, великому мудрецу-хитрецу, и разговаривать-то со мной не стоит. Всего-навсего я простой крестьянин, а зовут меня Хитрый Пётр.

— Хитрый Пётр? — оживился мудрец. — Тебя-то мне, голубчик, и нужно! Слышал я про тебя, что ты крепко смышлён!

— Так говорят люди, — скромно опустил глаза Хитрый Пётр, — а вот про тебя я слыхал, что в хитрости с тобой сам чёрт сравниться не может!

Понравились такие слова гордому турку, захотел он ещё раз испытать свои силы и вышел из попова дома на дорогу. Стали они друг против друга — знаменитый мудрец и простой крестьянин. Мудрец весь в шелку, халат до пят, чалма, что тыква, нос с огурец, а у Петра только и всего, что на плечах безрукавка-елек, во рту лула — кривая деревенская трубка— да на ногах простые лапти-црвули!

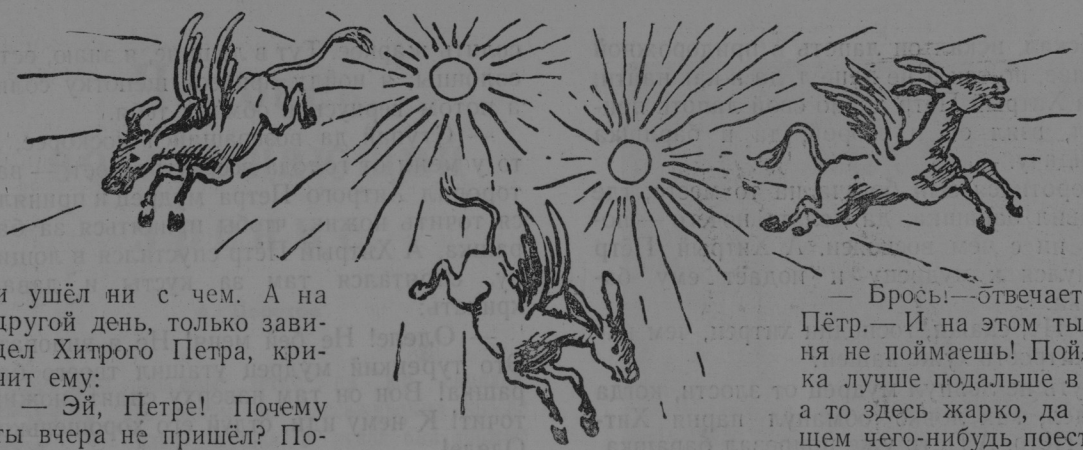
— Ну, Хитрый Пётр, — предложил с усмешкой мудрец, — давай потягаемся, кто кого обманет?!

— Я бы рад с тобой потягаться, — почесал в затылке Пётр, — да сейчас не могу: все свои обманы я дома оставил. Когда надо, я ношу их с собою в торбе, а когда они мне не нужны, вешаю в избе за печкой. Если ты согласишься подождать немного, пока я схожу домой за торбой, тогда можно и потягаться.

— Иди,— сказал мудрец.

— Ладно!

Повернул за угол Хитрый Пётр, зашёл в кофейню и спросил себе чашечку кофе. Сидит себе, курит трубку-лулу да кофе прихлёбывает. А мудрец прислонился к попову забору и стал ждать. Ждал он, ждал, подпирал, подпирал поповский забор, покуда на дворе не стемнело, да так



и ушёл ни с чем. А на другой день, только завидел Хитрого Петра, кричит ему:

— Эй, Петре! Почему ты вчера не пришёл? Пошёл за торбой с обманом, а сам как сквозь землю провалился!

— Уж больно ты прост, уважаемый мудрец! — отвечал ему с низким поклоном Пётр.— Какого тебе ещё обмана нужно, когда я тебя, знаменитого мудреца и важного господина, заставил весь день — с утра и до ночи — подпирать поповский забор и ждать хвалёной торбы с обманом, какой нет и не было на свете!

Прикусил мудрец с досады губы, а Хитрый Пётр продолжал, как ни в чём не бывало:

— Но раз уж мы с тобой поспорили, кто кого лучше обманет, то не пристало тебе обижаться. Пойдём лучше в лес, к медвежьей пасеке, и будем там прогуливаться взад и вперёд, пока ты меня всё-таки не обманешь.

Обрадовался мудрец и согласился. «Ну, — думает, — теперь-то уж не сдобровать Хитрому Петру!»

Вышли они из села, дошли до леса, стали расхаживать под деревьями и думать, как бы похитрей провести один другого.

— А у нас, — начал мудрец, — светят на небе два солнца, ослы летают на крыльях, а зайцы вьют гнёзда на самых высоких деревьях и несут яйца!

— Хорошо ты придумал, хитрец, — отвечал ему Пётр. — Только этим ты меня не обманешь, всё равно я тебе ни за что не поверю.

Опять стал мудрец ходить взад и вперёд. Ходил, ходил битый час и наконец говорит Петру:

— А у нас в реках вода сухая, мы её не пьём, а ножами режем!

— Брось! — отвечает ему Пётр. — И на этом ты меня не поймаешь! Пойдёмка лучше подальше в лес, а то здесь жарко, да поищем чего-нибудь поесть.

— Ой, отдохнуть бы не мешало! — охотно согласился мудрец, который совсем истомился на солнцепёке. — Только чем же мы позавтракаем? Ничего здесь подходящего нет.

В это время показался на дороге парень. Был он огромного роста и нёс за плечами целого барана. Это был сын местного богача.

— Вон, смотри, идёт наш завтрак! — сказал Пётр. — Веришь ли ты, великий мудрец, что я могу украсть у этого парня барашка?

— Ни за что я этому не поверю! — рассмеялся мудрец. — Он держит барашка обеими руками и, судя по росту, сильней тебя вдвое!

— Ну ладно, смотри да молчи! — шепнул турку Пётр и, как кошка, юркнул в кустарник.

Пробежал Пётр за кустами вперёд, обогнал парня, снял с себя один лапоть и поставил его посреди дороги. Подошёл парень к лаптю, посмотрел на него, отбросил его ногой в придорожную канаву и сказал сам себе:

— Недурён лапоть, да к чему мне один! — и пошёл дальше.

А Хитрый Пётр тем временем опять успел обогнать парня и выставил на дорогу второй лапоть.

Остановился парень.

— Что за притча! Да ведь этот лапоть первому пара! — снял с плеч барашка, поставил его на дороге с лаптем рядом и говорит: — Подожди меня здесь, дружок, пока я сбегаю за первым лаптем! — и пустился бежать обратно по дороге.

Искал, искал он лапоть в придорожной канаве, но так и не нашёл, да и как найти, если Хитрый Пётр давно свой лапоть прибрал, взял он и второй, да и барашка впридачу.

Воротился сын богача на то место, где оставил барашка, да делать нечего — пошёл ни с чем восвояси. А Хитрый Пётр вернулся к мудрецу и подаёт ему барашка:

— Ну, скажи, господин хитрец, чем наша хитрость хуже вашей?

Чуть не лопнул мудрец от злости, когда увидел, как ловко обманул парня Хитрый Пётр. А Пётр уже прирезал барашка, развёл огонь и приглашает мудреца покушать. Сидят они у костра, а барашек жарится и пахнет так вкусно, что у голодного мудреца потекли слюнки.

— Ну что, господин мудрец, — спрашивает его Хитрый Пётр, — хороший барашек?

— Хороший,— отвечает мудрец.— К тому же я так голоден, будто не ел со дня своего рождения.

— Верно, — поддакнул Пётр, — после прогулки всегда хочется хорошенько поесть. Но хочешь ли, я сделаю так, что ты сам убежишь отсюда, не отведав ни кусочка баранины?

— Ну, этого ты не сумеешь,— уверенно заявил мудрец.

— Ладно, посмотрим,— не стал возражать ему Пётр.— Но сперва нам надо посолить жаркое. Тут в лощине, я знаю, есть солонцы, я пойду принесу щепотку соли, а потом вернусь и обману тебя.

— Ступай да возвращайся поскорее, а то у меня от голода всё нутро ноет, — заторопил Хитрого Петра мудрец и принялся точить ножик, чтобы приняться за барашка. А Хитрый Пётр спустился в лощину, спрятался там за кусты и давай кричать:

— Олеле! Не бей меня! Не я виноват! Это турецкий мудрец утащил твоего барашка! Вон он там наверху сидит, ножик точит! К нему иди, отдуй его хорошенько! Олеле!

Так кричал Хитрый Пётр, будто его бьют на самом деле. Услыхал его крики мудрец, испугался, вскочил и говорит сам себе:

— Ого! Это тот самый здоровенный парень! Если он придёт сюда, то переломает мне все кости! Лучше я убегу подобру-поздорову!

Плюнул мудрец себе на пятки, бросил свой ножик и пустился бежать, а Хитрый Пётр вышел из лощины и закричал мудрецу вдогонку:

— Велика у тебя чалма, да под чалмой голова без ума. А мы хоть не в чалме, да себе на уме!

С тех пор не видали турецкого мудреца в болгарских сёлах: в тот же день сел он на свой золочёный корабль и уплыл обратно в турецкие земли.

Человек, возвращающий зрение

А. Дорохов

Из Москвы летит на юг самолёт. На одном из пассажирских кресел сидит девушка. В руках она держит небольшой чёрный ящик с плотными замками. По тому, как бережно она с ним обращается, чувствуется, что его содержимое очень ценно.

Что же находится в этом ящике? Если бы мы подняли его крышку, мы увидели бы внутри второй ящик с тремя отделениями. Среднее заполнено льдом, а в боковых надёжно укреплены небольшие стеклянные стаканчики, закрытые металлическими крышками. В каждом стаканчике на мягкой марлевой подстилке лежит... человеческий глаз.

Девушка везёт из Москвы в Одессу глаза! Час тому назад московский хирург аккуратно вынул их у только что умерших в больнице людей. Кому же нужны в Одессе эти мёртвые глаза?

Автомобиль подвозит девушку к большому красивому зданию на берегу моря. Мы видим, как в подъезд входят, осторожно ощупывая ступени палочкой, слепые люди. Вот пожилая женщина ведёт за руку бледного мальчика. Веки его глаз открыты, но он ничего не видит. Вместо зрачков у него мутные белые пятна.

Навстречу из дверей показалась смуглая девочка с длинными косами. Остановившись у колонны, она широко раскрытыми глазами взволнованно обводит взглядом зеленеющие деревья, клумбы ярких цветов, статую товарища Сталина перед входом, голубое небо с остановившимся на нём белым облачком, виднеющийся вдали морской берег. Она смотрит на всё так, словно видит это в первый раз в жизни. Она смотрит и не может насмотреться, хотя отец, приехавший за ней, чтобы взять её домой, давно уже ласково тянет её за рукав.

— Подожди, папа! — шепчет она сквозь слёзы, которых не замечает. — Как это красиво! Я не знала, что на земле так красиво...

Отец терпеливо ждёт. Он и сам понимает, что происходит с его дочуркой. Ведь до этого дня она действительно не видела ни разу ни деревьев, ни цветов, ни неба. Тяжёлая болезнь лишила её зрения вскоре после рождения. Её детские годы прошли в вечной темноте. Только здесь, в этом доме, к ней вернулось зрение. Теперь она заново узнаёт мир.

Академик Владимир Петрович Филатов.

Что же это за здание, куда входят слепыми, а выходят зрячими? На табличке у входа написано: «Институт глазных болезней имени академика В. П. Филатова».

Имя этого человека с благодарностью и любовью произносят тысячи людей в самых далёких уголках нашей Родины. Советский учёный академик Владимир Петрович Филатов первый нашёл способ возвращать зрение слепым и сделал этот способ доступным каждому опытному врачу. Это ему везла девушка из Москвы свой странный груз.

★

Наш глаз устроен очень сложно. На задней стенке глазного яблока находится зрительный нерв, по которому передаётся в мозг картина того, что человек видит перед собой. Но прежде, чем световые лучи коснутся нерва, они должны пройти через находящийся в передней части глаза хрусталик. Как линза объектива фотографического аппарата, хрусталик собирает световые лучи в узкий пучок и направляет их прямо к зрительному нерву. Спереди хрусталик закрыт радужной оболочкой, в середине которой есть маленькое круглое отверстие — зрачок. Лучи света попадают в хрусталик только через это отверстие. Если его закрыть, человек перестанет видеть.

Позади хрусталика глазное яблоко наполнено прозрачной стекловидной массой. А снаружи весь глаз, как орех скорлупой, покрыт такой же прозрачной твёрдой оболочкой. Эта оболочка называется роговицей.

Большинство людей теряет зрение оттого, что роговица их глаз мутнеет, покрывается белой плёнкой и перестаёт пропускать световые лучи в отверстие зрачка. Такую мутную плёнку называют бельмом. Возникает она или от болезни или от повреждения роговицы.

Очень часто ребята неосторожно играют острыми предметами и ранят глаза либо кончиком пожниц, либо пером, либо тонко обструганным «чижиком». Иной озорник подожжёт порох или начнёт разбивать найденный патрон. Вспыхнет пламя и обожжёт роговицу. Третьему попадёт в глаз стрела из лука или камешек из рогатки приятеля.

А роговица очень чувствительна. Она боится даже маленькой царапины от острой песчинки. Стоит поранить или обжечь роговицу, как на ней начинает расти бельмо. Человек видит всё хуже и хуже и постепенно становится слепым.

Учёные подсчитали, что на земле живёт около шести миллионов людей, которые не видят только потому, что роговица их глаз затянута бельмом. Глаза у них вполне здоровые, но бельмо, как тёмная ширма, закрывает их зрачки.

С самой глубокой древности ослепшие люди приходили к врачам и умоляли их:

— Срежьте мне бельмо. Я перенесу любую боль, я хочу видеть!

Но врачи лишь беспомощно разводили руками. Они не умели этого сделать. Ведь если вырежешь даже самый маленький кусочек помутневшей роговицы, то в ней останется отверстие, и глаз через него вытечет. Как же уничтожить бельмо и сохранить глаз?

★

ОТЕЦ Владимира Петровича Филатова был глазным врачом в сельской больнице. И сам он ещё мальчиком решил, что станет тоже врачом, и тоже глазным.

Владимир Петрович учился на медицинском факультете Московского университета, а на каникулы приезжал к отцу и помогал ему принимать больных и делать операции. Он видел, как много людей навсегда лишились зрения только оттого, что роговица их глаз помутнела. Возвращаясь в Москву, он бежал в библиотеку и нетерпеливо перелистывал новые медицинские журналы: не отыскал ли кто-нибудь средства бороться с этим страшным несчастьем? Но ответа не было.

На лекциях профессора говорили студентам, что над разгадкой этой тайны бьётся уже несколько поколений врачей. Но никто ещё не нашёл верного решения.

Почти сто лет назад один немецкий врач предложил заменять вырезанное бельмо кусочком здоровой роговицы. Но он не знал, как это сделать. Кто пожертвует своим здоровым глазом, чтобы дать вырезать из него этот кусочек? Приживётся ли чужая роговица в больном глазу? Да и кто из хирургов решится взяться за такую тонкую и сложную операцию?

Через тридцать лет другой врач попробовал вставить своему богатому пациенту на место вырезанного бельма крошечный кусочек отшлифованного горного хрусталя. С огромным трудом он укрепил в глазу больного тоненькую золотую оправу с острыми шипами, которые зацеплялись за края вырезанного в роговице отверстия. В эту оправу ввинчивалось хрустальное стёклышко. Но вернуть больному зрение всё же не удалось. Оправа раздражала роговицу, глаз воспалялся и болел, мутная влага застилала хрусталь изнутри. А через два года оправа выпала вовсе, и глаз вытек.

Тогда возникла мысль заменять удалённое бельмо кусочком роговицы, вырезанной из глаза собаки, овцы или кролика. Но только через двадцать лет, после многих неудачных операций, одному врачу удалось как будто добиться успеха. Несколько кусочков прижилось, и слепые стали видеть вновь. Но счастье их продолжалось недолго. Прошло несколько недель, и пересаженная роговица помутнела. Глаз снова затянулся бельмом. Пришлось отказаться и от этой мысли.

Та же неудача постигла и другого врача, который сумел пересадить больному кусочек роговицы из глаза, удалённого у другого человека. Пересаженная роговица быстро потеряла прозрачность.

Всё это Филатов знал. И, тем не менее, когда после последнего экзамена его спросили, чем он намерен заниматься в дальнейшем, молодой врач ответил:

— Пересадкой роговицы!

Товарищи пожимали плечами. Стоит ли тратить силы на такое явно безнадёжное дело?

★

У Владимира Петровича Филатова есть правило, от которого он не отступал всю свою жизнь:

«Никогда не опускать рук и бороться до конца».

Молодым, только что окончившим университет врачом начал он свою славную борьбу за возвращение зрения слепым. И только на пороге старости он добился прочной, неоспоримой победы.

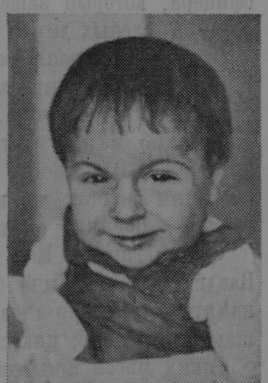
На приёме у В. П. Филатова.

Четыре десятилетия прошли в упорном, настойчивом, вдохновенном труде. Долгие годы, проведённые в лаборатории, сменялись напряжёнными минутами операций, а затем наступали мучительные дни, когда у постели больного нужно было, скрывая тревогу, терпеливо ждать исхода новой попытки пересадить роговицу. Сколько бессонных ночей провёл он за столом, отбрасывая мысль за мыслью и лихорадочно отыскивая правильный путь!

Случалось, что месяцами неудача следовала за неудачей, и разгадка, казавшаяся совсем близкой, вновь ускользала из рук. Но Филатов не сдавался, и вот приходила маленькая победа, закреплялся ещё шаг на пути к успеху. И снова он начинал бесконечные опыты.

— Вспомните, — говорил Филатов своим ученикам, — сколько болезней считались в прошлом неизлечимыми? А теперь их вылечивает любой врач. Чем больше развивается наука, тем больше болезней из неизлечимых становятся излечимыми. Так же будет и с бельмом!

Порой до него доходили вести, что тому или другому из знаменитых европейских врачей удалось успешно пересадить больному роговицу с только что удалённого глаза другого больного. Но как редки были эти случаи! Несмотря на то, что на опасную операцию решались лишь самые опытные, самые талантливые хирурги, пересадка бывала чаще неудачной, чем удачной. Из ста оперированных больных зрение возвращалось только пятнадцати. Остальные оставались навсегда слепыми.



У Нади Авлажий болели глаза, ей больно было смотреть на свет. Академик Филатов вылечил её. Справа вы видите выздоровевшую Надю.

Филатов не хотел с этим мириться. Разве можно полагаться на счастливую случайность, когда речь идёт о будущем человека, который доверил врачу самое для него дорогое — глаза? Он настойчиво искал такой метод операции, чтобы удача стала не исключением, а правилом.

И Филатов этот метод нашёл. Сегодня каждая почта приносит в Одессу десятки писем из самых далёких уголков нашей Родины. Люди, бывшие долгое время слепыми, благодарят академика за то, что он вернул им зрение. Сам Филатов сделал уже больше тысячи удачных пересадок роговицы. Столько же успешных операций сделали его помощники и его ученики во многих городах Советского Союза.

★

О том, как работы академика Филатова стали известны врачам всего мира, пересадку роговицы делали при помощи обычных хирургических инструментов. Легко можно себе представить, какое искусство, какая необыкновенная точность движений требовалась от хирурга, чтобы быстро прорезать тоненький слой твёрдой роговицы и не поранить при этом лежащего за ней хрусталика. А вдруг хрусталик выпадет, и из прозрачного отверстия начнёт выступать стекловидная масса? Ведь стоит ей вытечь, и глаз погиб безвозвратно.

После многих лет поисков Филатов изобрёл такой замечательный инструмент (он так и называется «трепан Филатова»), который не только мгновенно прорезает роговицу, не касаясь хрусталика, но и сам закрывает края отверстия, не давая выступить стекловидному телу. Сложная операция стала простой, доступной любому врачу.

Была и другая нерешённая задача: как удержать на месте пересаженный кусочек роговицы, пока он не прирастёт? Нельзя же перебинтовать глазное яблоко, не вынимая его из глазницы!

Филатов стал надрезать на слизистой оболочке глаза маленький лоскуток, загибать его поверх пересаженной роговицы и закреплять шёлковой ниткой. Теперь пересаженный кусочек роговицы был плотно прижат к своему месту. А когда он прирастал, лоскуток удаляли.

Но самое главное открытие Филатова заключается не в этом.

Во всех странах врачи считали, что кусочек роговицы для пересадки следует брать из глаза, который удалили либо у живого либо у только что умершего человека. И чем скорее, тем лучше, иначе роговица не приживётся. Больные, которым предстояла операция, неделями ждали в клиниках случая, пока привезут только что погибшего человека и вынут у него глаз.

Филатов открыл и доказал совершенно обратное. Чтобы операция была успешной, надо брать роговицу с глаза, который был вынут у умершего человека и после этого пролежал на льду пять — шесть дней. Такая роговица приобретает новые чудесные свойства. Она не только отлично приживается в чужом глазу, но и благотворно влияет на его больные ткани.

Дело в том, что не весь организм умирает одновременно. Сердце уже остановилось, лёгкие перестали дышать, сознание исчезло, а клетки отдельных органов ещё живы. Продолжают расти волосы и ногти, сокращаются при раздражении током мышцы. Клетки роговицы глаза также сохраняют жизнь в течение пяти — шести дней после того, как человек, у которого взят этот глаз, уже умер.

Но клетки роговицы не только живут вне организма. Они борются за своё существование. И борются тем сильнее, чем труднее условия, в которые они попали. Если удалённый у мертвеца глаз продержать в течение трёх — четырёх дней на льду при температуре 2—4 градуса, то клетки роговицы начинают вырабатывать и накоплять особые «вещества сопротивления», которые усиливают все жизненные процессы. Если пересадить такую роговицу в глаз, в котором вырезана часть бельма, она не только быстро приживётся и сохранит прозрачность: пересаженный кусочек станет действовать и на остатки бельма вокруг него. Помутнение постепенно рассосётся, и весь больной глаз станет прозрачным.

До Филатова никто этого не знал. Советский учёный первый открыл эту тайну живой природы. И знание этой тайны дало ему чудесную силу возвращать зрение слепым.

На операции.

★

В институте имени Филатова делают так много операций пересадки роговицы, что глаз, которые можно получить в местных больницах, не хватает. Но благодаря открытию Филатова теперь можно брать роговицу из глаз, привезённых из других городов.

Девушка с чёрным ящиком, о которой было рассказано вначале, везла из Москвы в Одессу не мёртвые глаза. Это были глаза с живой роговицей. В институте их положили на несколько дней в холодильник, а затем врач сказал мальчику, у которого вместо зрачков были мутные белые пятна:

— Ну, Владик, завтра мы сделаем тебе операцию. У тебя будут хорошие глаза.

Мальчика звали Владислав Бегма. Он потерял зрение, когда был ещё совсем маленьким. Он не мог учиться, не мог читать, не мог играть с другими детьми. Его окружала вечная ночь.

Родители Владика были бедные люди. Они жили на окраине города Станиславова, в Западной Украине. Этот украинский город был тогда под властью польских панов. И некому было там помочь бедному слепому мальчику. А когда Западная Украина вошла в Советский Союз, началась война.

Но Владик помнил о великой Стране Советов, где заботятся о каждом человеке. Он знал, что в этой стране у всех ребят счастливое детство. И когда наша армия освободила Станиславов, он с робкой надеждой спросил у первого советского офицера, который зашёл в их дом:

— А слепых детей у вас вылечивают?

Офицер рассказал ему об академике Филатове. И слепой Владик приехал в Одессу, чтобы Филатов сделал его зрячим...

Недавно в институт пришло письмо из Станиславова. Это письмо писал сам Владик. После операции он стал хорошо видеть и уже научился грамоте. Вот что он пишет:

«Очень прошу Вас прислать мне фотографию Владимира Петровича Филатова, чтобы я имел память о том, кто сделал меня счастливым. Обещаю хранить её, как свой глаз».

Таких писем приходит много. Они самая высокая награда учёному, посвятившему свою жизнь борьбе за здоровье человека.

НА ОПУШКЕ

Рассказ Я. Тайца

Рисунки В. Цельмера

Прошлым летом я был в Литве. Там очень красивые места. Красив главный город Литвы — Вильнюс. Посреди города возвышается холм с древним замком на вершине. Под холмом много узких старинных кривых улочек. Есть там и большие новые улицы с новыми высокими домами, мимо которых катят новенькие «зисы» и «победы».

Но я в самом городе бывал мало. Я жил под Вильнюсом, в деревне, на берегу литовской реки Нерис.

Я любил бродить вдоль этой реки. Правый берег, как и полагается, гористый. На крутых склонах растут то хвойные, то лиственные леса... А кое-где сосна, и клён, и дубок перемешались и растут все вместе, дружной семьёй.

Зелёные склоны отражаются в прозрачной воде.

С виду она кажется тихой, а вот поди попробуй, окунись,— пожалуй, с ног собьёт!

Прижимаясь к правому берегу, шлёпает спицами старенький белый пароходик «Сакалас» («Сокол»). Он вздымает во всю ширь реки бурную волну на радость купающимся колхозным мальчишкам.

Неторопливо идёт по воде длинный, как улица, коленчатый плот с шалашиком для плотовщика. А вот и сам плотовщик. Налегая на огромное, блестящее на солнце рулевое бревно, он выводит плот на стрежень.

Левый берег низменный. Вдоль воды тянутся картофельные гряды, поля овса, ржи, гречихи...

Гречишное поле всё поёт; оно звучит, будто в нём играют спрятанные под мелкими белыми цветочками неведомые гусли-самогуды. Это гудят пчёлы. Перелетая с цветка на цветок, они собирают нектар для будущего мёда.

За гречихой — луг, где бродят рыжие, чёрные, белые коровы. А вон там, на бугорке, сидит колхозный пастушок, босой, в громадной соломенной шляпе. В руках у него самодельная дудочка. Перебирая пальцами, он выводит на ней нехитрую песню.

— Тюри-лю, тюри-лю,— поёт дудочка, и кажется, будто река катит воды под эту музыку, и низкие серые облака плывут под эту музыку, и даже пчёлы гудят под эту музыку...

Тюри-люли! Хорошо идти под эту песенку, вдыхая медовый запах гречихи! Ласково блестит река. Вдали, за лугом, темнеет сосновый лес. На опушке... Постойте, да кто же это там, на опушке?

Мне показалось, будто кто-то в белом вышел из лесу и остановился, ослеплённый внезапно открывшимся солнечным простором.

Я пригляделся: «белый человек» не двигался.

Я прибавил шагу и скоро понял, что ошибся. Это сколоченный из неструганных досок и покрашенный мелом надгробный памятник показался мне издали вышедшим из лесу человеком.

Я подошёл вплотную к памятнику. Его окружал аккуратный, потемневший от времени палисадничек. За балясинками палисадника видна была могила, поросшая высокой травой.

Спереди к деревянному памятнику была прибита покоробившаяся от солнца фанерка.

На фанерке неопытной рукой был нарисован масляной краской гвардейский знак, а под знаком было печатными буквами написано:

«Гвардии сержант Геннадий Константинович Трефилов, погибший смертью храбрых в боях с немецкими захватчиками за гор. Вильнюс 10 июля 1944 г. 1922—1944».

Самодельный памятник был убран живыми цветами. Большой венок из свежих васильков висел над фанеркой. Другой венок — из лиловых колокольчиков — лежал ниже, у подножия, на самой могиле.

Возвращаясь домой, я думал: кто же сплёл и положил эти венки? Я расспрашивал в соседнем колхозе — никто не знал.

Каждый день я приходил к могиле и каждый день находил там свежие цветы: то васильки, то колокольчики, то одуванчики, то ромашки.

Может быть, сюда приехала мать погибшего? Нет, мать не приезжала. Может быть, здесь живёт его невеста? Нет, ни одна девушка здесь не знала его.

Так я до самого отъезда и не смог узнать тайну цветов.

В конце лета я покидал берега Нерис. Я поднялся рано утром, раньше обычного, и зашагал вдоль реки. Лёгкий туман ещё окутывал берега, но колхозное стадо уже бродило по лугу, и пастушок уже сидел на бугорке.

Сейчас он не играл на дудочке, сейчас он плёл венок из васильков.

Я издали следил за ним. Он ловко сплетал стебельки, быстро работая пальцами.

Когда большой тёмносиний венок был готов, пастушок вскочил, подбежал с ним к опушке и повесил его на деревянное надгробие.

Так вот, оказывается, кто заботится о могиле! Я подошёл к пастушку:

— Как тебя зовут?

— Антанас.

— Ты что,— показал я на могилу,— ты знал этого человека?

Антанас из-под широкополой соломенной шляпы посмотрел на меня синими глазами и покачал головой:

— Ни!

Он вернулся на свой бугорок, достал из-за пазухи дудочку и заиграл.

Простая, светлая, как родник, песня разлилась над лугом. И тут я понял, о чём поёт эта дудочка!

Она поёт о том, что пришли в Литву добрые, храбрые люди с красными звёздами на фуражках. Они освободили её от фашистов и принесли мир её тихим полям и лугам. И одним из этих добрых, храбрых людей был гвардии сержант Геннадий Константинович Трефилов.

Если бы я встретил где-нибудь его родных, я бы им рассказал о могиле на лесной опушке и о маленьком литовском пастушке Антанасе...

журавль

канна

леопард

Из альбома художника Г. Никольского.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ. Г. Никольский.

ОХОТА БЕЗ РУЖЬЯ

Г. Скребицкий

Рисунки В. Трофимова

Быть юным охотником и участвовать в нашем походе может каждый из ребят.

Не горюй, если у тебя ещё нет ружья. Охота бывает разная, не только с ружьём, но и с удочкой, с сеткой, с фотоаппаратом, с биноклем и даже без всяких специальных приспособлений. Единственное оружие, которое должен непременно иметь юный охотник, отправляясь на охоту,— это записная книжка и карандаш. Карандаш обязательно простой, а не чернильный, потому что на охоте легко попасть под дождь, а под дождём чернильный карандаш расплывётся по бумаге, и все твои записи пропадут.

Каждый юный охотник прежде всего должен стать следопытом, научиться разбираться в следах зверей и птиц. Ты не думай, что следы бывают только зимой на снегу. Вовсе нет! Погрызы на деревьях, клочок оставленной на сучке шерсти, потерянное перо, остатки растерзанной хищником добычи или даже просто слегка примятая трава и мох — всё это следы различных животных, по которым опытный следопыт, как по книге, читает об их жизни.

Но кроме того каждый охотник должен научиться свободно ориентироваться в лесу, чтобы не путаться «в трёх соснах». Этому может научиться каждый. Нужно только привыкнуть, ведя даже самые интересные наблюдения, выслеживая какого-нибудь зверя или птицу, не забывать при этом попутно обращать внимание и на те предметы, мимо которых ты идёшь. Вот вправо от тебя расщеплённое бурей дерево, а подальше — большой серый камень, а там ручеёк преграждает дорогу.

Если внимательно приглядеться, лес вовсе не однообразен. Любая полянка, ложбинка, любой участок на первый взгляд совсем однотипного леса, если получше к нему приглядеться, имеет своё собственное лицо, и, сколько ни ходи по лесу, ты никогда не найдёшь другого точь-в-точь такого же места.

Человеку, который редко бывает в лесу, все деревья, все полянки кажутся совсем одинаковыми. А тому, кто знает и любит лес, приветливо кивает ветвями каждое дерево. Вот полузасохшая сосна, в её дупле летом было гнездо дятла, а на зиму белка устроила свою кладовую. Вот глубокий, заросший кустарником овраг, в нём находятся барсучьи норы. А вот под этим кустиком можжевельника прошлым летом тетёрка устроила гнездо

и вывела тетеревят. Всё знакомо, всё дорого натуралисту-следопыту.

Тот, кто стремится только настрелять как можно больше дичи или зверя,— тот ещё не охотник. Не только в этом заключается прелесть охоты.

Вот в камышах по пояс в воде крадётся юный охотник. В руках у него фотоаппарат. Он замер у открытого плёса, стоит неподвижно пять, десять, пятнадцать минут. Его едят комары и мошки, но он даже не замечает их. Вдруг на открытую воду выплывает небольшая птица, вроде дикой уточки, только с длинным, тонким клювом. Это чёмга. На спине у неё, как на лодочке, уютно уселись два птенца, и мать не спеша везёт на себе своих малышей.

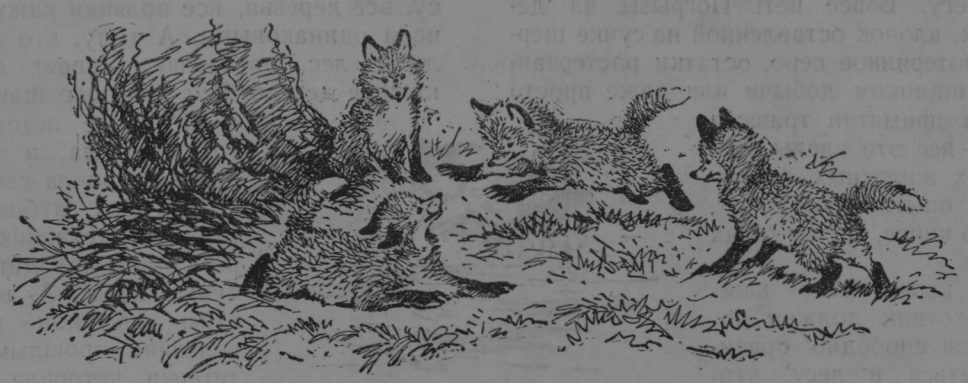
Тихо щёлкает затвор фотоаппарата, так тихо, что чёмга даже не замечает. Она спокойно уплывает дальше в камыши, а счастливый охотник, вытирая со лба выступивший пот, уже выбирается на берег. Он сделал замечательный «выстрел» и уносит с собой такой снимок, который не всякому удаётся сделать.

А вот другой охотник сидит, затаившись в ветвях старого дуба. В руках у него карандаш и блокнотик для рисования. Мальчик зорко смотрит вниз, на землю.

У самых корней дуба темнеет лисья нора. Вот из неё показалась остренькая мордочка, и небольшой лисёнок осторожно вылезает из норки, за ним второй, третий, четвёртый... Целый выводок. Лисята затевают весёлую игру на полянке перед норой. Совсем, как котята! Зверьки беззаботно резвятся, пригретые тёплым, весенним солнцем, совсем не подозревая, что их зарисовывает художник.

По берегу речки между зелёных кустов ивняка осторожно пробирается рыболов с длинной удочкой. На крючке надет кузнечик. Рыболов высматривает добычу.

Вода в речке тихая, спокойная. Круглые листья кувшинок лежат неподвижно на поверхности, а рядом раскрыли свои



белые чашечки плавучие цветы. Но что это темнеет в воде возле листьев кувшинки? Большой голавль выплыл из глубины почти к самой поверхности и будто замер, греясь на солнышке. Вдруг перед самым его носом на воду падает кузнечик. Голавль делает порывистое движение и хватает добычу. Попался простофиля! Подсечка. Голавль мечется в воде, сгибая в дугу тонкое туловище. Но недолго длится борьба. Вот уже серебристая рыба лежит в траве, укрытая от солнца свежими листьями, а счастливый рыболов выслеживает новую добычу.

И тут же, неподалёку, на лугу гоняются за добычей ещё два охотника. В руках у них сетки для ловли насекомых, а через плечо висят баночки, куда сажают свою добычу юные энтомологи.

Красивый жёлтый махаон с тёмными косицами на нижних концах крыльев перепархивает с цветка на цветок. Он и не видит, что над ним уже занесена лёгкая марлевая сетка...

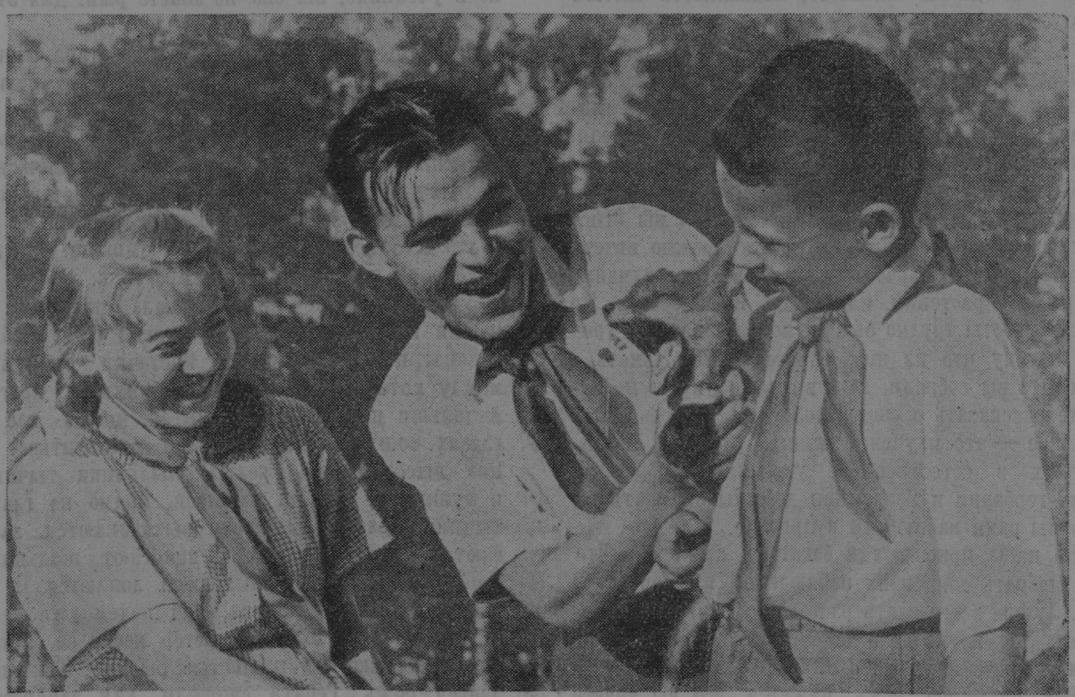
Фотографы, художники, рыболовы, энтомологи и просто зоркие наблюдатели природы — всё это охотники без ружья, охотники-следопыты, которые, вернувшись из лесных походов, принесут с собой в школу богатую добычу, более ценную, чем та, которую добудет охотник с ружьём.

Хорошее наблюдение, подкреплённое удачным снимком, или зарисовкой в блокноте, или просто толковой, обстоятельной записью в дневнике,— вот лучший трофей юного охотника-натуралиста.

Много, очень много интересных и ценных наблюдений можно сделать в любое время года в лесу, в горах, на болоте и в поле. Даже в городе, возле самого дома, и то можно увидеть немало интересного. Нужно только научиться всё видеть, подмечать всё, что делается вокруг тебя в природе.

Вступай же в ряды юных охотников, лесных разведчиков-следопытов и в свободный день спеши в поле, на речку, в лес, чтобы подметить, что произошло там нового! Ничего не пропусти, всё записывай в свой походный полевой дневник!

Дорогие ребята! Присылайте нам свои дневники, записи, фотографии и зарисовки. Пишите нам о том, что вам неясно в ваших наблюдениях. Мы поможем вам разобраться в книге родной природы.



В живом уголке лагеря появился новый обитатель. Ребята поймали в лесу лисёнка.
Фото В. Горшкова

НАБЛЮДАЙТЕ ПРИРОДУ, ДРУЗЬЯ!

Жаркое, знойное лето. Частенько бывает, что ребята не знают, чем заняться в это время. Мой совет вам, дорогие друзья: идите в лес, на луг, в поле. Вот где вы отдохнёте, надышитесь чистым воздухом и увидите много красивого и интересного.

Подумайте о том, как получше выполнить летние школьные задания, как увидеть своими глазами то, о чём зимою рассказывали вам учителя, о чём вы читали в книгах.

Обычно многие из вас прежде всего начинают собирать гербарии и коллекции. Потом вы относите их в школу. В школах часто можно видеть множество таких работ, состоящих из случайно собранных растений, насекомых и минералов. Но такие работы трудно бывает использовать на уроке, потому что из них ничего нельзя узнать о том, что вы собрали, да и вы сами ничего не можете рассказать о своих коллекциях. Ведь самое главное — это изучение живых растений и животных в естественных условиях. Собранные вами гербарии и коллекции должны отражать то, что вы сами наблюдали в природе.

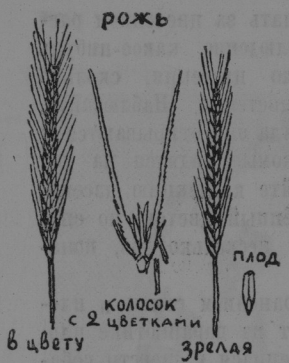
Но наша природа так богата и красива. «Что же выбрать для своих наблюдений?» — спросите вы. Лучше всего взять растения и животных, которых вы изучаете в школе. Не думайте, что вам уже всё известно о них.

Вот, например, рожь. Кажется, все вы знаете это растение, вы видели, как растёт рожь в поле, читали о ней в учебниках ботаники. Знаете, что стебель ржи — соломина с узлами и междоузлиями, что листья у неё узкие и длинные, что соцветие ржи — сложный колос. Но как бы хорошо вы ни запомнили всё, что написано в учебнике, вы ещё не знаете ржи. Для этого нужно увидеть её живую, в поле.

Пионеры одного лагеря, где я работала, вначале удивились, узнав, что мы пойдём на ржаное поле: что там может быть интересного? Мы вышли из лагеря рано утром, захватив с собой записные книжки и карандаши, ботаническую копалку и папки для сбора растений. Вот и поле. Как красиво оно! Ветерок колышет рожь, и она будто кланяется всем. Кругом тишина, и только высоко в небе заливается жаворонок.

Узенькая тропочка пересекала поле, и мы пошли по ней, среди зацветающей ржи. Ребята рассматривали колосья, цветочки, чешуйки, между которыми виднелись тычинки и пестик. А дальше началось самое интересное. У нас на глазах чешуйки цветов стали расходиться, из них высовывались жёлтые пыльники тычинок и пушистые рыльца пестиков. Прямо на глазах тычинки растут, их нити вытягиваются, загибаются книзу, и на них повисают пыльники. Ещё мгновенье — и пыльники лопаются, и из них высыпается пыльца. Над полем уже целое облачко лёгкой пыльцы. Ветер несёт её, и пылинки оседают на пушистые рыльца. Так опыляется рожь. Ребята смотрели, как зачарованные.

После этого ребята занялись сбором растений для гербария. Часть ребят занималась изучением



жизни ржи всё лето. В гербариях у них была только одна рожь, но показали её ребята как следует. Они поместили в тетради большого формата засушенные растения ржи разного возраста, чтобы видно было, как развивается рожь. На первой странице всходы ржи, вот рожь кустится, вот у неё начинает развиваться стебель. Дальше идут растения, только начавшие колоситься, растения с полным колосом, с цветами, с семенами. На этой же странице под целофаном видны части цветка и семена ржи. Ребята нашли растения ржи, выросшие в разных условиях: на хорошей почве, у дороги, на краю поля,—сравнили их по величине, по весу и по урожайности. Оказалось, что в разных условиях рожь развивается по-разному. Им удалось достать для сравнения растения ржи яровизированной и неяровизированной.

На каждой странице гербария в нижнем правом углу ребята написали пояснения, основанные на их собственных наблюдениях. Вот образец одной из записей:

Рожь, выросшая на хорошо удобренной и обработанной почве. Сорняков на поле не было. Весной рожь подкармливали минеральными удобрениями. Высота стебля — 120 сантиметров. В одном колосе 1 грамм зерна.

Собрано в колхозе «Маяк».

Ребята подтвердили свои наблюдения гербарием. Такой гербарий уже не мёртв, он много рассказывает о жизни живого растения. Осенью, на уроке, гербарий поможет ребятам вспомнить всё, что они узнали о собранных ими растениях.

Если вы последуете примеру этих ребят, вы увидите, как увлекательно наблюдать за жизнью растений в природе и составлять такой гербарий.

Можно провести наблюдения над любыми растениями, над картофелем, горохом, огурцами, над цветами на клумбе, над деревом в лесу. Но лучше всё-таки выбирать для этого растения, которые важны в нашем хозяйстве...

Такие наблюдения можно проводить везде: и на колхозном поле, и в лесу, и в саду, и даже на окне своей комнаты. Но особенно удобно это делать на пришкольном участке. Здесь вы сами можете выяснить, какие условия нужны растению, вы сами можете переделывать его природу путём яровизации, прививок, вегетативной гибридизации и воспитания растений в различных условиях. Учителя помогут вам поставить и провести интересные опыты.

У каждого из вас должен быть юннатский дневник. В нём вы будете записывать ход ваших опытов и наблюдений.

Без такого дневника нельзя обойтись: вы всё забудете, не будет точности и чёткости в работе.

Описав растение или животное, старайтесь выяснить, почему оно такое. Ну, как вы объясните, почему у ржи цветы одни, а у картофеля совсем другие? Почему одно насекомое имеет яркую, бросающуюся в глаза окраску, а другое вы никак не найдёте: его окраска сливается с зеленью? Почему на лугу коровы съели всю траву, а некоторые растения стоят нетронутые?

На все эти вопросы вы сможете ответить сами только тогда, когда вы будете изучать и наблюдать животных и растения в природе. Почаще ставьте перед собой вопрос «почему» и старайтесь сами найти ответ.

* * *

В лесу, на лугу, в поле растения и животные живут не поодиночке: их окружают другие животные и растения, которые либо полезны либо вредны для них. В одной книге я видела схему, которая показывает, как сложны отношения между растениями и насекомыми (смотрите рисунок на 54-й странице). На самом деле они ещё сложнее. Попробуйте оживить эту схему: соберите коллекцию «кто от кого зависит». Но прежде хорошенько понаблюдайте.

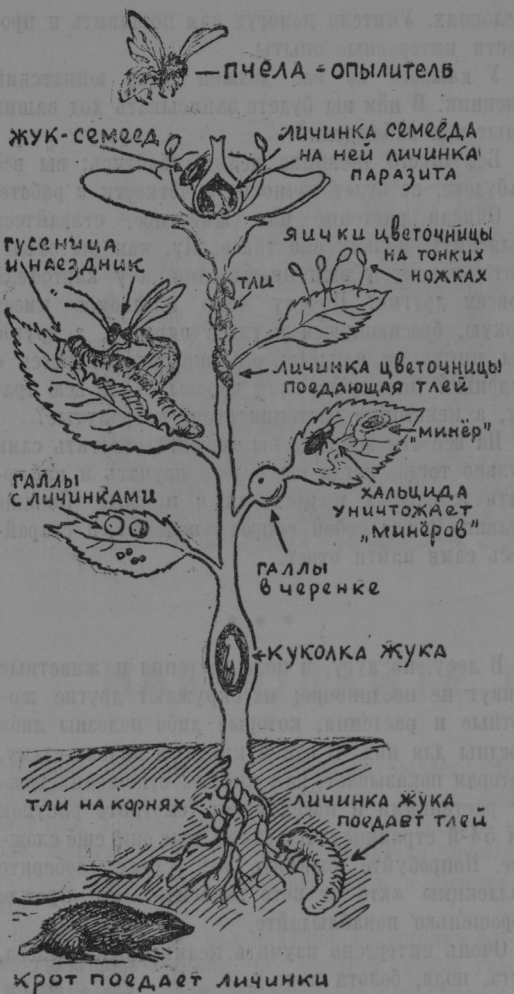
Очень интересно изучить целиком жизнь леса, луга, поля, болота и т. д.

Возьмём для примера луг на берегу реки. Сначала нужно посмотреть, какие животные и растения встречаются здесь чаще всего. Соберите луговые травы для гербария. Вы заметите, что травы, растущие у самой воды, отличаются от трав на крутом берегу. Попробуйте ответить на вопрос, почему они разные. Если вы будете внимательны, вы увидите, что у них разные условия жизни. Опишите эти условия поподробнее.

Научитесь различать травы по их хозяйственной ценности: злаки, бобовые, разнотравие и осоки (осоки похожи на злаки, не путайте их. У осок трёхгранный стебель, а у злаков — круглый). Узнайте, какие травы любят животные и какие они совсем не едят, выясните, почему.

Вы, наверно, знаете, что в лесу растения располагаются этажами — ярусами: первый этаж — травы, выше — кустарники, ещё выше — деревья.

Точно так же ярусами



На растениях, как в большом доме, живёт множество жильцов — насекомых. Понаблюдайте, кто из них от кого зависит.

растут и луговые травы. Только эти этажи — ярусы — считаются сверху вниз.

На небольшой площадке луга, на лесной поляне или в лесу посмотрите, какие травы растут в первом, втором и т. д. ярусах, чем они отличаются друг от друга. Объясните, какое значение имеет ярусное расположение растений.

Очень интересно наблюдать за цветением растений. Возьмите под наблюдение какое-нибудь растение, запишите начало цветения, сколько дней оно цвело, конец цветения. Наблюдайте, куда «смотрят» цветы, когда они открываются и закрываются, какие насекомые садятся на тот или другой цветок. Сделайте коллекцию насекомых, опыляющих определённый цветок, но сначала посидите около него несколько раз, понаблюдайте.

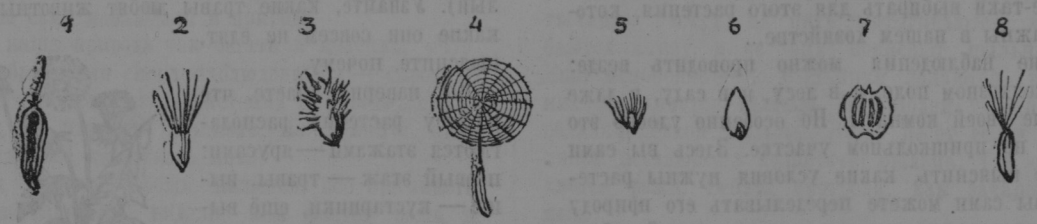
Проследите за распространением семян и плодов. Посмотрите: вот летит на парашютике плодик одуванчика, вот прицепился к шерсти собаки плод липучки и отправился путешествовать вместе с нею, а вот «шагает» потихоньку плодик синего василька — его жёсткий хохолок в сырую погоду складывается, а в сухую расправляется, и семена медленно передвигаются по земле. А вот семена сорной травы аистника. Они сами ввинчиваются в землю. Соберите коллекцию плодов и семян, распространяющихся различными способами.

На лугу много насекомых и животных. Только они все разбегаются и прячутся от вас. Наберитесь терпения, посидите тихонечко — и вы будете вознаграждены. Вспорхнула бабочка. Не ловите её, проследите, куда она полетела, что делает в цветах и на растениях. Запрыгали яркие с голубыми или красными крыльями кобылки. Куда они пропадают, когда вы хотите их поймать?

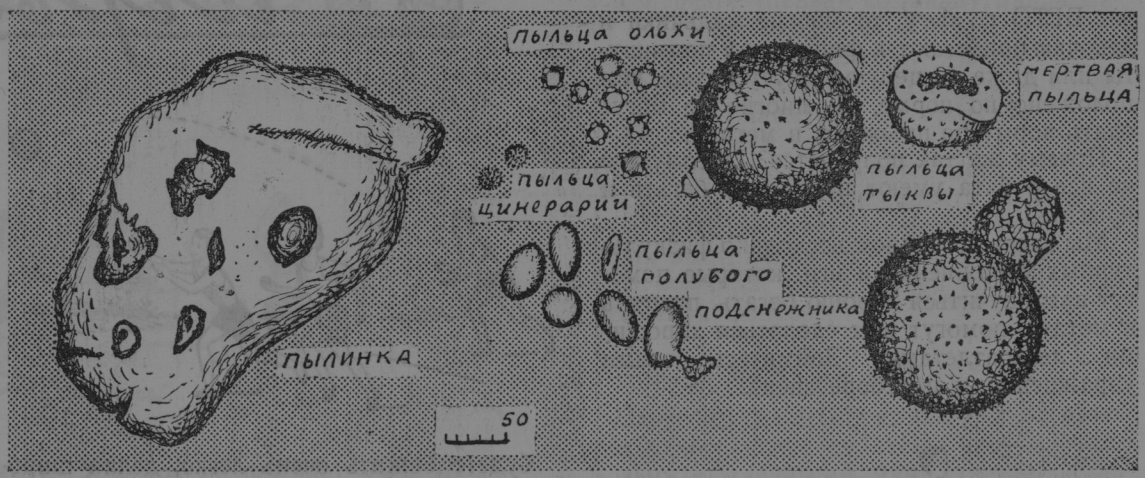
А это что? У трупа лягушки возятся жуки. Это могильщики. За ними стоит понаблюдать. Смотрите: труп лягушки постепенно погружается в землю и, наконец, скрывается совсем. Жуки похоронили лягушку и отложили в неё свои яички. Выведутся из яичек личинки — им готов и стол и дом. Вот теперь, когда вы сами проследили жука-могильщика, возьмите его для своей коллекции. Теперь вам есть что рассказать о нём.

Развивайте в себе наблюдательность. Если вы будете наблюдательны, в каждом уголке природы вы увидите много интересного. А ваши записи, гербарии и коллекции помогут вам и вашим товарищам лучше понять и запомнить всё то, что вы узнали летом.

Ф. В. Чебышева,
преподаватель биологии
208-й школы города Москвы.



Семена различных растений: 1 — костра, 2 — василька, 3 — репейника, 4 — козлобородника, 5 — ивы, 6 — сосны, 7 — пастернака, 8 — мелколистника.



ЖИВАЯ ПЫЛЬ

В. А. Родина,
кандидат сельскохозяйственных наук

Эти рисунки я сделала, разглядывая в микроскоп обыкновенную пылинку (левый рисунок) и пыльцу различных растений (справа).

Я поместила эти зарисовки рядом, чтобы сразу было видно, насколько пыльцевые зёрна меньше самой маленькой пылинки. На рисунке вы видите линеечку; каждое её деление соответствует 10 микронам, а микрон, как вы знаете, равен одной тысячной доле миллиметра. Сравните величину пыльцы с делениями линейки, и вы убедитесь, как она мелка.

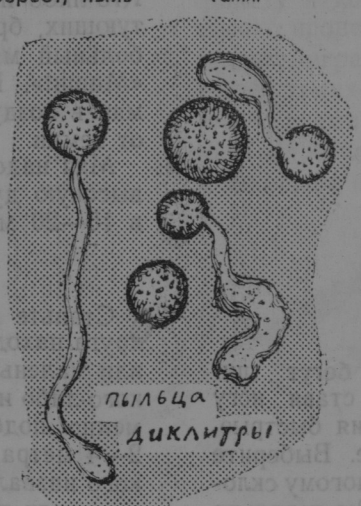
Но эта мельчайшая пыльца играет огромную роль на земле. Ведь это орган опыления цветковых растений. Вы знаете, что пыльца развивается в пыльниках. Как только она созреет, пыльники раскрываются, и пыльца высыпается на рыльце своего цветка, переносится ветром или насекомыми на другое растение. Урожай пшеницы, ржи, проса, гороха, льна, урожай яблок, вишен, слив и других фруктов зависит от того, опылятся ли их цветы и завяжутся ли семена. Неопылённые цветы опадут, и урожая не будет.

Если рожь и пшеница цветут в дождливую погоду, дождь прибьёт пыльцу к земле, и многие цветы останутся неопылёнными. Если яблони цветут в холодную, дождливую погоду, тоже не жди хорошего урожая. Ведь в дождь пчёлы не вылетают за взятком и не опыляют цветов. Влага разрушает пыльцу многих растений. Попав в воду, пыльца лопается и теряет способность к оплодотворению.

На рисунке внизу показаны такие лопнувшие в воде пыльцевые зёрна диклитры, или, как называют это растение цветоводы-любители, «разбитого сердца».

В микроскоп часто видны мёртвые, стерильные зёрна. Это неполноценные зёрна, состоящие из одной оболочки. Они напоминают мяч, из которого выкачан воздух. Мёртвых зёрен много в пыльниках растений, растущих в неблагоприятных условиях. Такие растения дают плохой урожай семян.

Теперь для вас должно быть ясно, что если вы хотите собрать в своём цветнике хорошие семена, вы должны умело ухаживать за своими цветами.



При поливе цветущих растений обильно поливайте почву вокруг цветов, опрыскивайте их листья, но следите за тем, чтобы вода не попадала на цветы.

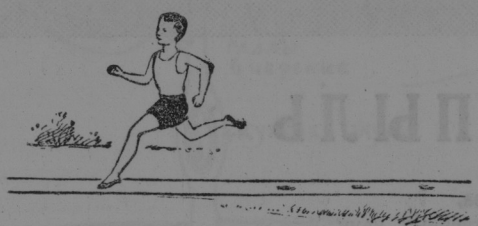
В вашем цветнике, наверно, есть растения, которые закладывают свои цветочные почки летом. Это всё растения, цветущие ранней весной: нарциссы, тюльпаны, ландыши, подснежники, сирень, пионы. К моменту зацветания у них уже совсем готовая пыльца в бутонах. Поэтому вы должны заботиться об этих растениях не только тогда, когда они цветут. Их нужно поливать и подкармливать после того, как они отцветут, всё лето, примерно до половины августа. В это время у них будут закладываться бутоны со здоровой пыльцой, которые расцветут в будущем году.

Игры

Почти все вы, ребята, летом много бегаете, прыгаете, метаете камешки. А вот когда приходится сдавать нормы БГТО по бегу, то многие мальчики и девочки прибегают к финишу на полминуты или даже на целую минуту позже, чем положено по норме, а многие не могут сдать норму по прыжкам и метанию.

Почему же так получается? Потому что не все ребята умеют правильно бегать и прыгать.

Мы здесь помещаем несколько физкультурных упражнений и игр, которые помогут вам научиться хорошо бегать, прыгать и метать, помогут вам сделаться хорошими легкоатлетами. Займитесь этими упражнениями на сборе звена.

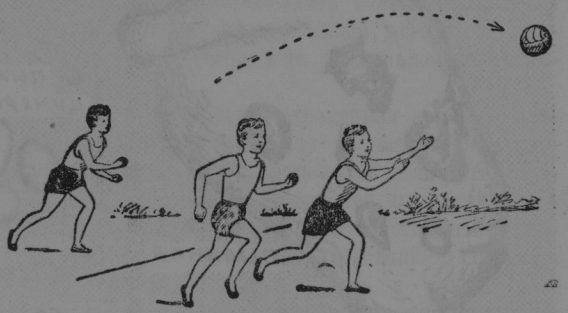


ПО УЗКОЙ ДОРОЖКЕ

Начертите на площадке узкую дорожку и попробуйте по очереди пробежать по этой дорожке, ни разу не наступив на боковые линии. Для этого вам придётся ставить ступни слегка носками внутрь, так, как это делают во время бега мастера спорта. Потом проведите соревнования: кто быстрее пробежит по дорожке 20 метров, ни разу не наступив на границы дорожки.

ПОД ГОРУ

Все умелые спортсмены бегут широким, размашистым шагом, ставя ногу на землю с носка. Их движения быстрые, стремительные, но свободные. Выберите дорожку, спускающуюся по отлогому склону, и пробегите по ней вниз. Вы невольно



будете бежать очень легко, делая широкие, размашистые шаги.

Сделайте две — три таких пробежки, а потом пробегите по дорожке на спортивной площадке, стараясь бежать так же легко и свободно, как при беге по отлогому склону.

Это упражнение повторяйте почаще. Устройте соревнование в беге наперегонки вниз по отлогому склону.

А вот несколько игр, которые научат вас быстро действовать по сигналу, научат делать резкий бросок с места, это очень пригодится вам на старте, когда придёт время сдавать нормы БГТО по бегу.

СТАРТ С МЯЧОМ

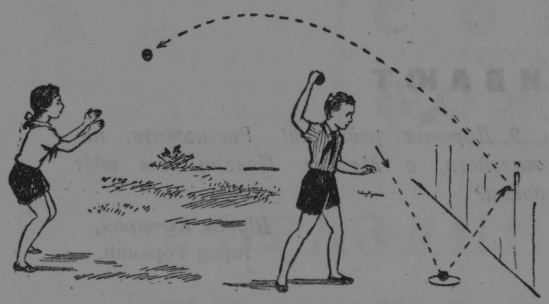
Двое — четверо ребят выстраиваются у черты, как показано на рисунке вверху. Кто-либо из ребят, стоящих позади стартующих, бросает через их головы волейбольный мяч и одновременно командует: «Марш!». Побеждает тот, кто поймает мяч в воздухе или после первого отскока от земли.

Мяч надо бросать так, чтобы он, описав высокую дугу в воздухе, упал на землю в 15—20 метрах от стартующих.

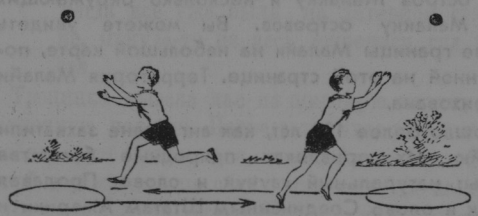
НЕ ЗЕВАЙ!

Станьте все в круг пошире. В центре круга находится водящий с волейбольным или маленьким мячом. Водящий называет кого-либо из играющих по имени, одновременно подбрасывает над собой мяч на 2—4 метра и отскакивает в сторону. Тот, кого назвал водящий, должен успеть поймать мяч прежде, чем он упадёт на зем-

В звене



лю. Если игрок не поймает мяч, то меняется местами с водящим.



ЛОВИТЕ МЯЧ

Разделитесь на пары. Станьте лицом друг к другу на расстоянии пяти шагов и начертите каждый возле себя круг диаметром в два шага. Игроки, стоя в центре круга, по сигналу подбрасывают вверх маленькие мячи так, чтобы они не вылетели из круга, и бегут на место своего партнёра. Бежать надо быстро, чтобы успеть поймать мяч, подброшенный вашим товарищем. Побеждает та пара, которая поймала большее количество мячей.

ПЯТНАШКИ

Играющие разделяются на две команды по 4—6 человек в каждой и выстраиваются в две шеренги на расстоянии 1,5 метра одна от другой. Ребята, стоящие в первой шеренге (первая команда), заправляют за вырез майки или резинку трусов небольшой кусок материи — фант.

По сигналу обе команды бегут к финишу, находящемуся на расстоянии в 20—40 метрах от линии старта. Игроки второй команды стараются догнать бегунов первой команды и сорвать с них фанты. Потом команды меняются ролями и снова выстраиваются на старте. Выигрывает команда, завладевшая бóльшим количеством фантов.

КТО ДАЛЬШЕ МЕТНЁТ МЯЧ

Начертите на земле кружок на расстоянии одного шага от стены или забора. Возьмите маленький мяч, станьте около кружка (см. рисунок вверху слева) и сильно ударьте мячом о землю так, чтобы мяч, отскочив от стены, пролетел над вашей головой. Его поймает другой игрок и сейчас же, став на ваше место, метнёт мяч в кружок. Не зевайте: теперь ваша очередь ловить мяч! Быстрее отбегите назад и приготовьтесь.

Попробуйте бросить мяч вдаль, измерьте расстояние до того места, где он упал, и запомните, на сколько шагов вам удалось метнуть мяч.

Затем целую неделю играйте в эту игру, бросайте мяч 15—30 раз в день. Когда вы снова попробуете метнуть мяч вдаль после такой подготовки, то ваш мяч полетит намного дальше.

Чтобы далеко метнуть мяч, а также гранату и копьё, в момент броска надо высоко пронести его над плечом. Так вы и делаете, играя в эту игру. Вы привыкаете делать замах и высоко нести мяч над плечом во время броска. Вот почему эта игра так быстро улучшает ваш результат по метанию мяча на расстояние.

М. Черевков

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

НАС СПРАШИВАЮТ

1. Дорогая редакция! Прошу Вас ответить мне на вопрос: есть ли на планете Марс растительность?

Виктор Абазовик,
Минская область, Берёзинский район, Высокогорский сельсовет.

2. Дорогая редакция! Расскажите, пожалуйста, о Малайе. Почему там идёт война?

Шурик Кутырин,
город Горький.

ОТВЕЧАЕМ

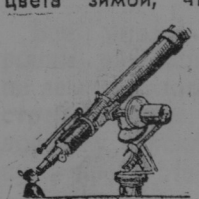
1 Растительность на Марсе существует. Больше того, существует особая наука — астроботаника, которая изучает эту растительность. Астроботаника основана советским учёным Г. А. Тиховым.

Много лет учёные наблюдали какие-то тёмные пятна на Марсе, но никто не мог точно определить, что это за пятна, потому что на фотографиях очертания пятен получались расплывчатыми и неясными. Голубая полупрозрачная дымка скрывала пятна от объектива фотоаппарата. Эта дымка — толстый слой воздуха, который мешает аппарату чётко «видеть» далёкий предмет. Фотографы знают, как бороться с такой помехой: они закрывают объектив жёлтым стеклом, голубые лучи не проходят сквозь жёлтый фильтр, и снимки получаются чёткими.

Тихов сфотографировал через светофильтр Марс, и ему удалось установить, что пятна на Марсе меняют цвет в зависимости от времени года. Весной огромные площади поверхности Марса начинают зеленеть, потом зелёный цвет постепенно бледнеет, появляются коричневые пятна и большие коричневые «острова». Тихов сделал вывод, что это растительность, которая зеленеет весной и желтеет к осени.

Но Тихов не остановился на этом. Применяя различные светофильтры, спектроскопы и другие приборы, он неустанно накапливает сведения о растительности на Марсе и сопоставляет их с тем, что мы знаем о растениях Земли.

Так ему удалось доказать, что растительность на Марсе засухоустойчива, что там есть растения, которые, как и наши хвойные деревья, не меняют цвета зимой, что есть растения, теряющие листья...



Всё больше и больше узнают учёные о растительности на Марсе, всё шире и шире становится область астроботаники, и попрежнему в передовом отряде астроботаников идут советские учёные.

2 Малайя — британская колония. Она находится в Азии и занимает почти весь полуостров Малакку и несколько окружающих Малакку островов. Вы можете увидеть точные границы Малайи на небольшой карте, помещённой на этой странице. Территория Малайи заштрихована.

Прошло более 130 лет, как англичане захватили Малайю. Их привлекли природные богатства страны: натуральный каучук и олово. Продавая каучук и олово Соединённым Штатам Америки и другим странам, английские империалисты наживают колоссальные прибыли. Ради своих грабительских интересов они безжалостно эксплуатируют и обирают малайский народ.

Но малайский народ восстал против поработителей. Под руководством коммунистической партии и Всемалайской федерации профсоюзов он уже третий год героически борется за свою свободу и независимость.

Англичане бросили в Малайю 120-тысячную армию с танками, самолётами и артиллерией. Они запретили коммунистическую партию Малайи и другие прогрессивные организации; они преследуют коммунистов, сажают в тюрьмы и концлагери тысячи малайских патриотов; они расстреливают и вешают малайских партизан, чтобы запугать население.

Но малайский народ не покоряется. Всё новые и новые партизанские отряды создаются в стране. В борьбе с захватчиками выросла и закалилась народно-освободительная армия Малайи. Ни военные действия, ни зверства англичан не могут сломить духа народа.

Миллионы честных людей, сторонников мира во всём мире, требуют, чтобы англичане прекратили преступную войну в Малайе.

ПРАЗДНИК В ЛАГЕРЕ

В этот день после завтрака отряд старших ребят нашего лагеря отправился в гости в соседний лагерь: нас пригласили на большой спортивный праздник.

Мы пришли в лагерь в тот момент, когда все уже были на лагерном стадионе. Откуда-то из леса доносился гул голосов.

Тропинка вывела нас на широкую поляну, заполненную народом. Посреди поляны раскинулось зелёное футбольное поле, окаймлённое лентой беговой дорожки. А по обеим его сторонам на траве и на пнях сидели гости — ребята из соседней деревни и родители пионеров, отдыхающих в лагере.

На поле никого не было. Зато справа от него, построившись в колонны, стояли все ребята из лагеря в лёгких спортивных костюмах.

Мы подошли к самому краю поля и стали ждать, что будет дальше.

Вот на середину поля вышли пять горнистов. Они стали кольцом, спиной друг к другу и слаженно проиграли бодрый сигнал. По этому сигналу подровнялись колонны, и когда заиграл баян, они двинулись на стадион. Впереди ребята с перекинутыми через плечо алыми лентами. На них золотыми буквами мелькали надписи: «Чемпион по бегу», «Чемпион по прыжкам», «Чемпион по плаванию»... Следом ровным строем шли отряды. Над ними развевались разноцветные вымпелы со спортивными эмблемами: «Комета», «Ласточка», «Чайка», «Стрела», «Молния». Сразу после того, как прошёл последний отряд, на поле выбежали пионеры младших отрядов в красных майках. Они взялись за руки, и на поле заалела большая пятиконечная звезда. А ещё через несколько секунд рядом с ней появилась белоснежная надпись: «СССР». Это построились младшие девочки в белых костюмах. Затем они быстро перестроились, и мы прочитали: «БГТО».

Потом на стадион выбежали девочки постарше. Каждая из них держала в руках букет полевых цветов — васильков или ромашек.

Вот они подняли вверх букеты, потом все сразу наклонились и, словно стая ласточек, опустились на поле. Секунда — и нет уже ласточек, а вместо них в центре поля огромный букет ромашек и васильков.

Над полем показались «самолёты». Строем по три проплыли они перед нашими глазами. Это старшие ребята несли над головами малышей, широко раскинувших руки.

КТО ПОБЕДИТ?

Парад закончился. Все пошли к реке. Здесь происходили соревнования по плаванию и прыжкам в воду. Вот на вышку поднялась группа ребят. Один мальчик подходит к самому краю вышки и прыгает вниз. На мгновение его загорелое тело скрывается под водой. Но вот он уже плывёт широкими сажёнками к берегу, а с вышки прыгает следующий. Тем временем недалеко от вышки, там, где река делает поворот, идут соревнования по плаванию. По команде «марш» несколько девочек, а потом мальчики плывут вольным стилем. Мы узнали, что эти ребята научились плавать в лагере.

А над рекой, над футбольным полем, над лугом плавно парят в небе удивительные птицы с красными, синими, золотистыми крыльями. Их запускают с холма авиамоделисты...

Горн зовёт ребят обедать. Пустеет речка, затихают голоса. Но ненадолго. После часа отдыха снова всюду оживление. Теперь, когда спала полуденная жара, начинаются соревнования по лёгкой атлетике.

На старт выходят лучшие бегуны лагеря. Две команды приготовились оспаривать первенство во встречной эстафете с мячом. Вот они выстроились вдоль боковых линий футбольного поля по пять человек от команды с одной и другой стороны. Команда первого отряда — в синих майках с вышитой на груди эмблемой «Молния». В красные майки одета «Стрела» — команда второго отряда.

Состязание начинается. Капитаны обеих команд повели мячи ногами через поле. Нелёгкая это задача. По пути нужно обвести несколько воткнутых в землю колышков. Приходится идти зигзагами. Раньше всех приходит на противоположную сторону капитан «Молнии». Он отдаёт мяч второму номеру своей команды, тот быстро бежит, гоня перед собой мяч на другую сторону поля. Вот и капитан «Стрелы» закончил бег и отдал мяч товарищу. С каждым этапом всё напряжённее становится борьба. Кто же победит? Впереди всё ещё «Молния»... Последний этап. Команда «Молнии» хочет обязательно придти первой к финишу. Не отстаёт и «Стрела». Но вот игрок «Молнии» на несколько секунд замешкался у очередного колышка... и всё пропало: победа потеряна. Противник первым заканчивает эстафету.

В это время на баскетбольной площадке проводят эстафету с мячом девочки. Каждая из них должна провести мяч через площадку, всё время ударяя его о землю, попасть мячом в корзину, провести его обратно и метров с десяти бросить подруге. Девочки увлечены состязанием. За ними с нетерпением следят «болельщики» и подгоняют возгласами: «Скорей! Скорей!»

На другом краю стадиона идут соревнования по бегу с препятствиями. Это самое трудное из всех состязаний. Соревнуются старшие мальчики. Нужно на шестидесятиметровой дистанции проползти десять метров в «мышеловке», сделанной из прутьев, перепрыгнуть через ров и через изгородь, пройти по бревну и у финиша бросить гранату. Многие ребята проделывают всё это довольно быстро. Судьи, глядя на секундомеры, замечают: «Хорошие результаты».

Соревнования закончились стрельбой из самодельных луков по неподвижным мишеням и в подброшенные вверх обручи.

РАССКАЗ ВОЖАТОГО

— Интересно узнать, долго ли они готовились к этому празднику, — сказал кто-то из наших ребят.

— Наверное, много пришлось репетировать и тренироваться,— добавил другой.

— А может быть, и нет. Давайте обо всём расспросим старшего вожатого,— сказал я.

Вожатого мы нашли около волейбольной площадки. Он выслушал наши вопросы и ответил:

— Готовились мы недолго: всего несколько дней перед самым праздником. Но секрет хорошей подготовки не в этих днях, а в том, что в лагере ребята всё время занимались спортом, и праздник наш — это итог их занятий. Мы решили показать родителям и гостям, каких успехов добились наши пионеры за смену. Составить команды физкультурников было нетрудно. В каждом отряде есть и легкоатлеты, и волейболисты, и пловцы.

— Ну, а парад? — спросили мы.— Тут уже без репетиций не обойтись.

— Да, с парадом было посложней. Но тут очень хорошо поработал наш пионерский актив. Вожатые звеньев сумели найти дело для всех ребят. Одни разучивали вольные движения, другие — пирамиды, третьи мастерили вымпелы и рисовали спортивные эмблемы. Больше всего времени у нас отняли коллективные построения «Звезда», «СССР» и «БГТО». «Звезду», например, малыши разучивали всем отрядом. Уходили в лес, выбирали подходящую полянку и репетировали. Слова разучивали группами. Каждая группа — одну букву. Руководили этим тоже звеньевые. Конечно, всё это делалось под наблюдением отрядных вожатых. Мы провели всего только одну общую репетицию. Видно, ребята постарались: все знали свои места, не было никакой путаницы.

— Всего одну? — недоверчиво переспросил кто-то.

— Да, одну,— подтвердил вожатый.— Ребята хорошо подготовились в отрядах и звеньях. Кстати, ведь вы ещё не всё видели. Вот вечером вы узнаете, какой сюрприз приготовили гостям наши пионеры. И, главное, всё сами сделали, никто им не помогал.

— А что будет вечером?

— Потерпите, всё скоро узнаете.

СЮРПРИЗ

Наступил вечер. Все гости перешли со стадиона на опушку леса за лагерем. Здесь по тому, что мы увидели вокруг, можно было судить, с каким интересом ребята готовились к своему празднику. На деревьях висели разноцветные бумажные ленты, гирлянды, китайские фонарики. На полянке никого ещё не было, кроме трёх мальчиков, хлопотавших у костра. Они держали над поднимающимся вверх столбом дыма большой бумажный шар. Дым от костра валил всё гуще и гуще. Шар в руках мальчиков наполнялся тёплым воздухом, постепенно расправлялся и, на-

конец, медленно взлетел. В это время раздались три звонких удара в колокол, и всю опушку вдруг заполнили «ромашки», «колокольчики», «кузнечики», «бабочки», «лягушки», «ласточки», «мухоморы»... Они бежали из лесу со всех сторон.

От неожиданности мы на минуту замерли, а потом принялись неистово хлопать в ладоши. Это был сюрприз.

Ребята в костюмах сгрудились у костра. Всё на минуту смешалось: красные шляпки «мухоморов», золотые «ромашки», зелёные «кузнечики», белые «бабочки», словно кто-то их сразу выпустил на волю. Под весёлые звуки баяна «мухоморы» взялись за руки и повели хоровод. Вокруг них закружился второй хоровод «ромашек» и «васильков». Рядом порхали «бабочки» и прыгали «кузнечики». Пролетали сквозь весь хоровод быстрые «ласточки».

Потанцевав, ребята разбежались по опушке. И начались игры и аттракционы. Малыши-«мухоморы» затеяли игру в «кошки-мышки»; «бабочки», «кузнечики» и «ромашки» играли в фантики. Из этого круга то и дело раздавался смех. Вот проштрафившийся «ёжик» танцует «ежовый танец», который он только что придумал. За ним поёт весёлую песню «бабочка». Эту песню подхватывают и другие ребята.

Горн прерывает веселье. Пора спать...

Нам так понравился карнавал, что в этом году мы обязательно такой праздник проведём в своём лагере.

А. Григорьев

КАК СДЕЛАТЬ КОСТЮМЫ ДЛЯ ЛАГЕРНОГО КАРНАВАЛА

На последней странице обложки нарисованы костюмы для лагерного карнавала: мухомора, лягушки, божьей коровки, кузнечика, колокольчика, мака, ромашки и бабочки. Эти костюмы нетрудно сделать. Надо подобрать майки и трусы подходящего цвета, а остальное делается из крашеной, накрахмаленной и хорошо отглаженной марли или плотной бумаги. Чтобы лепестки у цветов отгибались, нужно посередине каждого из них пришить тонкую проволоку и, побрызгав лепесток, снова его отгладить, а потом отогнуть, как этого требует форма лепестка.

Цветы можно делать любые: и подсолнух, и ландыш, и лилию, и шиповник, и незабудку.

Зелёные крылышки у кузнечика лучше сделать из плотной бумаги, у бабочки — тоже из бумаги, но, чтобы они крепче держались, склейте бумагу в два слоя. Прежде чем вырезать и склеить крылья, бумагу надо выкрасить анилиновыми красками. А пёстрый рисунок наносить уже на готовое крыло акварелью, гуашью, клеевой краской или просто аппликацией.

Изобретательные ребята могут придумать, глядя на эти костюмы, много других, изменив некоторые подробности. Из костюма ласточки, например, легко сделать костюм аиста. Нужно только выкрасить его в коричневый цвет, сделать на шапочке от лба к затылку красную полоску и удлинить клюв.

Так же просто можно изменить костюм кузнечика. Если крылья сделать двойные и распростёртые, как у самолёта, да ещё обсыпанные блёстками,— получится стрекоза. Делайте крылья из марли и обязательно натяните на заранее приготовленный каркас из проволоки.

Рассмотрите голову настоящей стрекозы, и вы увидите, что она устроена иначе, чем у кузнечика. Шапочка стрекозы должна напоминать восточный тюрбан.

Очень хорошо может получиться костюм ёжика, если на такой же плащ и шапочку, как у лягушки, густо нашить тоненькие, гибкие веточки с развилками, чтобы они топорщились и создавали впечатление ежовых колючек.

Для лагерного карнавала нужно много костюмов. Очень красиво будет, если на карнавал придёт целое звено грибков, божьих коровок или лягушек, особенно, если так одеть самых маленьких ребят в лагере.

Костюмы лучше делать не каждому отдельно, а всем коллективом. Это поможет вам распределить работу таким образом, что все будут делать то, с чем могут справиться: одни — кроить, другие — шить, третьи — раскрашивать бумагу, четвёртые — делать сложную разрисовку. Словом, устройте лагерную фабрику карнавальных костюмов.

В мире книг

ГЛОБУС

Человеку любознательному всегда немножко обидно смотреть на глобус: вот она, вся Земля перед тобою, вся планета! Полярные моря, знойные пустыни, горные хребты, многоводные реки, чудесные города...

Везде побывали люди, повидали всё своими глазами, а ты сидишь на месте, поворачиваешь картонный глобус и можешь только мечтать: «Эх, побывать бы вот тут, или тут, или там!»

Вот ты повернул земной шар. Свет от лампы упал на Тихий океан. И как будто солнце встало над Курильской грядой...

Далеко до Тихого океана, а ведь и там гордо реет над морями наш, красный, советский флаг. Там тоже живут и трудятся наши советские люди...

Но глобус, тот, что стоит в классе, ничего не рассказывает о них.

Есть другой глобус — толстая книжка с фотографиями, которую выпустил Детгиз для ребят, мечтающих о путешествиях. Она так и называется «Глобус». Географы, путешественники, учёные и писатели потрудились над созданием этой книжки. Прочитай эту книжку. Она расскажет тебе и о том, как меняется лицо нашей страны, и о том, как дружной семьёй живут все шестнадцать братских союзных республик, как, побеждая природу, во всех уголках великой нашей Родины трудятся сообща советские люди, чтобы приблизить светлое коммунистическое завтра.

Читаешь эту книгу — и словно на чудесных крыльях переносишься из города в город, из страны в страну. На минуту заглянешь к китобоям Антарктики, и на далёкие острова Севера, и на покорённые пустыни Туркмении, и на чайные плантации Грузии...

Книжка, как опытный проводник, проведёт тебя из конца в конец по нашей стране, и повсюду увидишь ты ту же радостную, кипучую жизнь, которой живёт твой родной край и весь советский народ. Она перенесёт тебя к нашим друзьям за границу, в горную Албанию, в свободный Китай... И там по нашему примеру люди строят новую жизнь...

Но есть и другие страны — страны, где царит звериный закон доллара. Прочти об этих странах — ты узнаешь, как тяжко живётся там трудовому народу, как кучка богачей грабит миллионы бедняков.

А когда ты вырастешь и сбудутся смелые мечты, где бы ни опустился твой самолёт, где бы ни остановился твой конь, где бы ни причалил твой корабль, — ты всюду будешь чувствовать себя как человек, уже побывавший здесь, и тогда, может быть, вспомнишь об этой большой красивой книге, которая рассказала тебе о далёких и близких уголках земли и оживила маленький картонный глобус.

А. Некрасов

О ВАС И ВАШИХ ДРУЗЬЯХ

Отдельные стихи Зинаиды Александровой вы все знаете. Ещё в детском саду вы волновались о судьбе умного Дозора, который стал пограничным псом, читали наизусть стихи о «беленьких трусиках, голубых майках», позднее учили «Песню о Чапаеве». Теперь перед вами книга стихов поэта.

И читая книгу, вы видите, что это не просто сборник. Это живая и цельная повесть, а герой её — наш пионер, такой же, как вы и ваши друзья, такой, каких много.

Вот он так же, как каждый из вас в своё время, вступая в пионеры, обещает стать достойным сыном Родины. Вот он со своими друзьями шагает тропой, по которой прошли партизаны... Ведь вы тоже ходили или пойдёте скоро с отрядом по местам боёв и увидите, как

Пустой винтовочный патрон
Лежит на чёрном пне,
Задет снарядом старый клён —
Он ранен на войне...

Вы видите героя книги в школе и в отряде, зимой — на лыжах и летом — у реки, в будни — занятого привычными, хорошо знакомыми всем вам делами и в праздник, когда он марширует по Красной площади и спорит с приятелем, кому же из них двоих улыбнулся Сталин...

О дорогих и милых нам вещах рассказывает З. Александрова. Стих её лёгок и певуч, и, читая его, вы понимаете, как хороши наши обычные, будничные дни.

Сборник стихов З. Александровой «Нас много»—это яркая правдивая повесть о пионерском детстве, о вашем счастливом детстве, ребята!

ДВЕ ЖИЗНИ

Эти мальчики — Миша Яшкин и Сурен Манасянц — никогда не встречались, они жили далеко друг от друга.

Родина Миши называлась Рвановкой и справедливо: избы в деревушке были тёмные, растрёпанные, и ютилась в них голь-беднота. Нищета и горе — спутники мишкиного детства, о котором рассказывает писатель Горбовцев в своей книге «Мишкино детство». Одно скрашивает убогую жизнь героя — сказки.

Голодно дома, зато перед сном мать расскажет чудесное преданье о живом роднике. Вышло всё сало, но сало не просто кончилось — бадья улетела и висит до времени высоко на дубу. Не достал отец денег, зато принёс домой колдовской «заячий хлеб»... И хоть мальчик догадывается, что не бадьи с салом темнеют на дубе, а просто сорочьи гнёзда и что «заячий хлеб» — это обыкновенная горбушка хлеба, сбережённая для сына отцом, вера в сказки всё равно остаётся. И Миша мечтает о волшебном камне, который превратит Рвановку в великолепный город, сделает людей счастливыми.

Но волшебного камня нет как нет, а беда приходит одна за другой. Идёт в кабалу к богатому мужику старший брат Филипп — прирождённый скульптор. Угоняют в Сибирь отца, вступившегося за мирское дело. Посажен в тюрьму учитель Александр Петрович, первый, кто обратил внимание на мишины сочинения... И, наконец, самый, тяжкий удар — умирает мать, бесконечно дорогой человек, осветивший горькое детство мудрыми и добрыми сказками.

Миша остался один. Он упрям и талантлив, но всё-таки трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, если бы не пришёл Октябрь 1917 года. Теперь мы спокойны за его судьбу: Миша не пропадёт.

Не пропадёт и другой мальчик — герой книги С. Зорьяна «История одной жизни». Внешне герои этих двух книг — прямая противоположность друг другу: Миша голубоглаз и курнос, у смуглого Сурена горячие, чёрные глаза южанина. И живёт Сурен в солнечном краю, где зреют фрукты, какие Мише и во сне не снились. Впрочем, и Сурен не часто ест их — не очень-то много лакомств достаётся на его долю. Однажды, когда он попробовал взять у богатого дяди кусочек сахару, из-за этого произошёл семейный раздел, и какой раздел! У родителей Сурена было отнято всё, даже последний стол.

Сурен не хуже Миши знает, что такое бедность, и так же, как Миша, мечтает о том, о чём поётся в песнях. И так же трудно достаётся ему возможность учиться. Царское правительство не разрешает армянам обучать детей на родном языке, а в русскую школу попасть не просто... Каждый успех достаётся Сурену с боя. Вместе с мальчиком мы грустим и смеёмся, вместе с Сурёном от души радуемся, когда он знакомится с настоящими людьми — революционерами — и выходит на верный путь.

Да, ни Сурен, ни Миша не пропадут, и не только потому, что они смелые и способные юноши. Не пропадут они потому, что изменилось время. Случилось то, о чём народ мечтал в своих сказках и песнях, — к беднякам прищла радость, свершилась революция.

С. Зорьян заканчивает своё повествование предреволюционным временем, но в эпилоге автор рассказывает о том, что стало с Суреном и его друзьями. Такого эпилога нет в книге М. Горбовцева. И всё же о дальнейшей судьбе его героя нетрудно догадаться. Ведь мы хорошо знаем судьбы сотен тысяч таких мальчуганов. Пройдя суровую школу в детстве, они стали после революции смелыми строителями новой жизни. Октябрь сделал их настоящими людьми.

Ю. Новикова

СКАЗКИ ВОЛЬНОЛЮБИВОГО НАРОДА

Минеральную воду «Нарзан», должно быть, пили все, а от чего произошло это слово,— не всякий скажет. Правильно оно произносится «нартсан» — напиток нартов, богатырей. Могучее племя нартов жило, по осетинским преданиям, на Северном Кавказе, в давно прошедшие времена.

О старейшем из нартов, Урызмаге, мудрой жене его Шатане и об их сыне Сослане рассказывается в книге Юрия Либединского «Сослан-богатырь, его друзья и враги».

Сослан родился из раскалённого камня, купали его в волчьем молоке. Тело у богатыря булатное, в левом глазу — два зрачка. Сослан видит ночью так же, как днём. Могуч и смел Сослан, но не в этом его сила: противников своих он чаще всего побеждает умом и хитростью.

Нарты честны, благородны, вольнолюбивы, но попадаются и среди них коварные люди. Таков Сырдон — вечный враг Сослана, постоянно готовый принести ему вред.

Рассказы о Сослане, — разумеется, вымысел, но, как все народные сказки, они исполнены красоты и глубокой мудрости. И те, кто любит приключения, в которых фантастика переплелась с жизненной правдой, с удовольствием прочтут книгу о воинских подвигах и мирной жизни Сослана и его друзей.

наш календарь

Это было в дни гражданской войны. В кабинет белогвардейского генерала Шкуро вошёл невысокий стройный офицер:

— Срочный пакет вашему превосходительству!

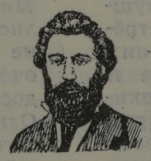
Пока Шкуро распечатывал конверт, офицер быстро вышел, и за окном послышался топот уносившего его коня.

В пакете было письмо... от Семёна Михайловича Будённого: «24 октября, в шесть часов утра, я прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генерал Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у круглых рядов, где вы вешали рабочих...»

Офицер, который с такой смелостью проник в самый штаб врагов, высмотрел расположение их сил и вручил ультиматум Будённого самому Шкуро, был командир одного из полков Советской Конной армии Олеко Дундич.

По национальности Дундич был серб. В 1918 году он организовал красногвардейский отряд из военнопленных сербов. С беззаветной храбростью боролся он с немецкими оккупантами, с белогвардейцами и польскими панами.

Тридцать лет назад, 10 июля 1920 года, Олеко Дундич погиб в бою с белыми. Советский народ хранит память о герое-коммунисте, нашедшем в России свою вторую родину и отдавшем жизнь за государство трудящихся.



Весной 1880 года у подъезда одного из петербургских домов собралась толпа. Люди бесконечной вереницей тянулись по лестнице, входили в зал и надолго задерживались перед висевшей на стенде небольшой картиной.

На полотне была изображена лунная ночь на Украине. Лениво извивается покрытый светлой рябью могучий Днепр. Над рекой, среди неподвижных облаков, сияет полная луна. На первом плане берег, тонущий во мраке, белые хатки, в окнах которых мерцают огоньки. Очарование южной ночи так непреодолимо, что нельзя оторвать глаз от картины. Луна светит настолько ярко, что иные зрители заглядывают за стенд, чтоб посмотреть, не написана ли картина на стекле и не освещена ли она сзади...

Это была первая выставка картин одного из самых талантливых русских пейзажистов, Архипа Ивановича Куинджи.

Куинджи родился в Мариуполе, в семье бедного сапожника. Мальчиком он пас гусей, затем служил в батраках у купца, работал ретушёром в фотографии. Только в двадцать восемь лет он смог осуществить свою мечту и поступить в Академию художеств. В поэтических пейзажах Куинджи стремился раскрыть красоту и величие русской природы.

Куинджи умер сорок лет назад, 11 июля 1910 года. Его картины, собранные в наших музеях, навсегда сохранили для нас рассказ художника о том, как прекрасна наша Родина.

Хорошо быть сильным, выносливым, быстрым и ловким! Советские люди любят спорт. В нашей стране физкультурой занимаются миллионы людей. Вот почему так много у нас отличных гимнастов, атлетов, пловцов, конькобежцев, силачей, футболистов, лыжников...

Советские спортсмены славятся на весь мир. Дальше всех женщин мира бросает диск Нина Думбадзе, быстрее и лучше всех бегает на коньках Мария Исакова, всему миру известны наши силачи, пловцы, шахматисты.

18 июля на всех стадионах Советского Союза взовьются праздничные флаги в честь Всесоюзного дня физкультурника. В этот день вместе со всеми спортсменами будут рапортовать о своих успехах и юные физкультурники.

Редколлегия: Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 10/VII 1950 г. Изд. № 486. 82×110. 8/10 бум. листа.

А — 04305. 76 999 зн. в печ. листе. 8 печ. л. Тираж — 100.000 экз. Заказ № 1701.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

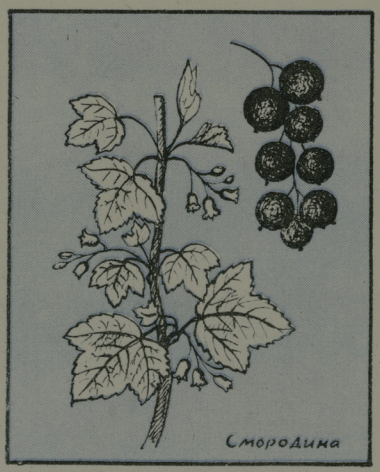
1950 г.
Акт №976

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Собирайте и сдавайте на ближайшие заготовительные пункты сельпо

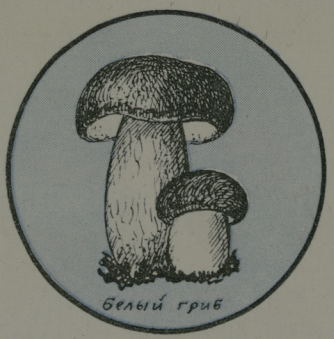
ЯГОДЫ

В свежем виде: клюкву, бруснику. Сушёные: малину, чернику, смородину, рябину.



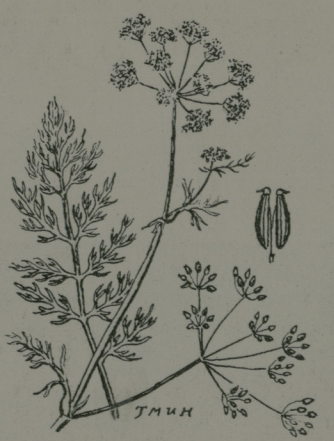
ГРИБЫ

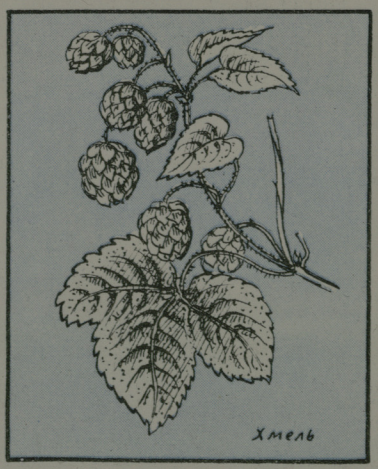
Белые, подосиновики, подберёзовики, маслята, грузди, рыжики и другие съедобные доброкачественные грибы.



ДИКОРАСТУЩИЕ ЛЕКАРСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ

Рожки спорыньи, семена тмина, шишки дикорастущего хмеля, плоды шиповника, листья крапивы, ивовое и еловое корьё.





Магазины, палатки и заготовительные пункты потребительской кооперации покупают в неограниченном количестве свежие и сухие ягоды, съедобные грибы, дикорастущее лекарственно-техническое сырьё, ивовое и еловое корьё.

В пунктах приёмки сырья можно получить консультацию, как собирать, сушить и хранить сырьё. Ягоды, грибы, корьё и лекарственное сырьё оплачиваются пунктами сельпо по заготовительным ценам.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Дадим нашей стране много ягод, съедобных грибов, лекарственно-технического сырья!

Цена 2 р. 50 к.

50-12672/25
7739

КАРНАВАЛ В ЛАГЕРЕ

О том, как сделать костюмы для лагерного карнавала, прочитайте на странице 61.